

Литературные известия

№ 2 (188)
Февраль 2021

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

ТРАГИЧЕСКИЙ ЛИРИК РОССИИ

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Жители ответят, где погост, но тишина ответа прозвучит чем-то потусторонним, замерзает, словно затянута янтарной пленкой оттенков инобытия; но тихая Родина сама по себе расходит суммою умиротворенных созвучий.

Рубцов — поэт русской тишины, неброскости, постоянного вглядывания в глубины российской сущности. Хрестоматийное:

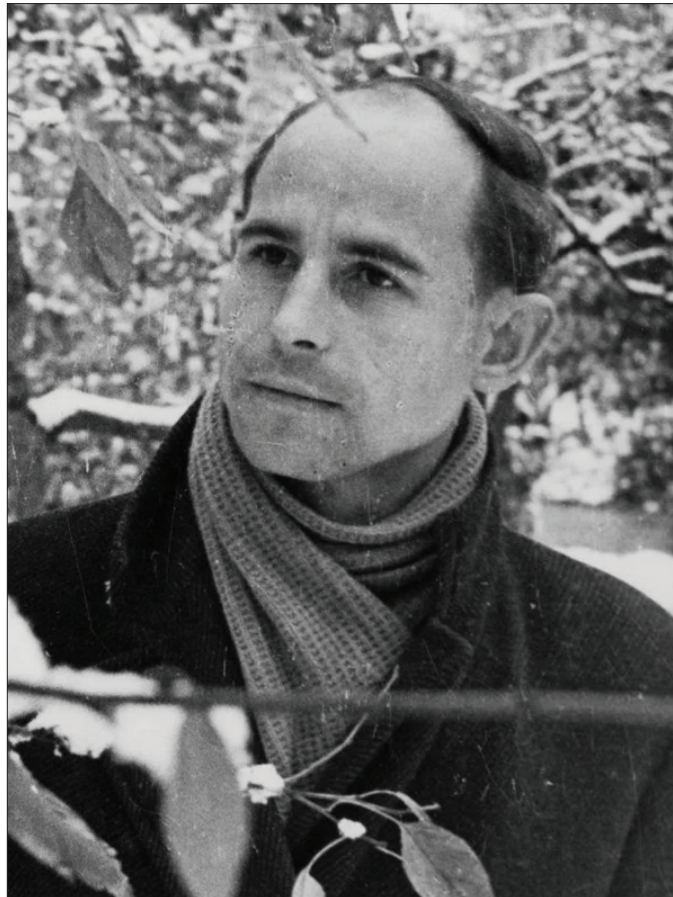
В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догнет совсем.

Эти строки сочетают в себе и ощущение собственного скорого финала, и абсолютную меру приятия того, что произойдет с жизнью и судьбой, и своеобразную русскую метафизику, переплетающуюся волокнами и с дерзновениями К. Циолковского (то же весьма поэтическими, Россия без поэзии не жива), и с земной, изначальной тяжестью А. Платонова).

В поэзии Рубцова — вопреки расхожему мнению — достаточно и философии, и соприкосновения с бездной всеобщности, так сложно (а проще не получится) выраженной в могучем «размыслительстве» Николая Фёдорова:

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!

Как прежде скакали на голос
удачи капризный,
Я буду скакать по следам
миновавших времен...

Времена гудят и вибрируют в крови поэта: они определяют меру движения строк и конкретику момента; они ложатся снегом, убеляющим отчизну: с ее деревнями и погостами, и звенят новыми ручьями, суля обновления каждой красной весной.

Многие темы звучат под куполом поэтического свода Рубцова: страшные иные, да не поспоришь:

Сколько водки выпито!
Сколько стекол выбито!
Сколько средств закошено!
Сколько женщин брошено!

Оно ведь тоже — наше, расейское, ненасытимое...

...и разлетается молнией-дугой, стремительно и ярко, яростно и дымно, сокровенно и истоиво:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

И, кажется, никто из поэтов сильнее не выразил ни особого русского отношения к земле своей, ни любви к Родине; никто, никогда...

Александр БАЛТИН

Сегодня в
номере:

Поэзия и проза
членов Союза
писателей XXI века

*

Новости литературной
жизни

*

Книжные новинки

*

Литературный кроссворд

РЕКЛАМА

современная
писательская
организация,
идущая в ногу
со временем
и отвечающая
потребностям
творческих людей

СТАНЬ
ПИСАТЕЛЕМ
СВОЕГО ВЕКА!

www.writer21.ru
т. (495)-978-62-75

Реклама в газете

«ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ИЗВЕСТИЯ»

Вас прочтут
в 75 странах мира!
Мы ждем Ваших звонков
по тел.:

• (495) 978-62-75 •

НОВОСТИ

КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННОКИ

Начиная от Карамзина и Пушкина и заканчивая нашими современниками... Уникальную антологию «Панорама русской поэтической миниатюры в 2-х томах» выпустил выдающийся поэт-переводчик, популяризатор поэзии из Кишинёва Лео Бутнару. Книга вышла в престижном румынском издательстве «Типо Молдова» (город Яссы). Именно в этом издательстве 5 лет назад вышла книга «Панорама поэзии русского авангарда», за которую Лео Бутнару удостоился Премии Союза писателей Румынии и Премии Союза писателей Молдовы.

В новой антологии в переводе на русский язык представлены Александр Пушкин, Анна Ахматова, Борис Пастернак, Валерий Брюсов, Константин Бальмонт, Владислав Ходасевич, Иосиф Бродский, Белла Ахмадулина, Геннадий Айги, Сергей Бирюков, Константин Кедров, Елена Кацюба, Алексей Парщиков, Наталия Лихтенфельд, Евгений Степанов и многие-многие другие. Всего 900 авторов.

Можно констатировать: Лео Бутнару совершил очередной творческий подвиг во имя литературы и сближения народов.

Сергей КИУЛИН

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

30 января впервые состоялась Литературная гостиная Союза писателей XXI века в онлайн-формате — в Зуме. Реальные гостиные, как известно, проходят в ЦДЛ 1 раз в 2 месяца и их явно недостаточно для полноценного общения. К тому же, в эпоху коронавирусных ограничений, да и реальной вирусной опасности, дополнительный онлайн-формат гостиных вовсе не стал бы лишним. Вот и решились все-таки сделать это — провести первую такую встречу.

Ответственной за организацию этого мероприятия руководитель СП XXI века Евгений Степанов назначил меня. Мне удалось собрать некоторое количество членов нашего союза и организовать конференцию. Это было волнительно для всех, никто же не знал, как это получится в реальности. А некоторые участники и вовсе раньше не пользовались Зумом,

у них его даже на компьютере не было, поэтому тревога была вполне обоснованной.

Но все получилось, и онлайн встреча состоялась. В ней приняли участие, помимо меня и Евгения Степанова, который был ведущим, Борис Якубович, Ян Бруштейн, Владимир Делба, Инна Ряховская, Елена Ткачевская, Лада Баламут, Елена Павлова, Сергей Тарасов, Валерия Исмиева. Мы прекрасно провели время, почитали свои творения. Е. Степанов проанализировал стихи каждого участника вечера. Было очень приятно увидеть всех и пообщаться, не выходя из собственных квартир и домов. Это и удобно, и безопасно. Всем понравилось. Будем продолжать.

Людмила ОСОКИНА

ПОЭЗИЯ

Ольга МИХАЙЛОВА
Я ЕСТЬ ДЕРЕВО

Ольга Михайлова — прозаик, поэт. Известна публикациями в журналах «Дети Ра», «Зинзивер», «Зарубежные записки», «Фото Travel», «Эгоист Generation» и газетах Linnaleht (Таллин), «Литературные известия», «Поэтоград». Она — автор нескольких книг. Живет и работает в Москве.

* * *

Птицы ночуют.
Сторожу их чуткий сон.
Я есть дерево.

* * *

— Мы благодарны, —
Цветы мне вслед кивают.
Зачем их срывать?

* * *

Кясмуский валун,
Недвижимый веками.
Ледник отступил.

* * *

Канюк сторожит
Мышку посреди стерни.
Юность шкодлива.

* * *

Маяк ослепший.
Остров невезения.
Кораблик тонет.

* * *

Краешек луны
Заночевал у моря.
Мой сладостный сон.

* * *

Снежинки красят
Лик небесной девы.
Звездопад зимы.

* * *

Ворон-старина,
Опорой тебе буду.
Спокойная ночь.

* * *

Шумит, рыдает
Дух благолепия.
Рябина скудна.

* * *

Листик тополя
Залетел к нам погреться.
Зима долгая.

* * *

Прощай же, дождик!
В тростнике, мокром насквозь,
Вараушки глас.

* * *

Хрустит мерзлый мох.
Путник олень воззрился
На ягель седой.

* * *

Кусочек солнца
Пожаловал на балкон.
Птица проснулась.

* * *

Когда добралась
До хижины забытой,
Тревога ушла.

* * *

Зарянка поет —
Неожиданный рассвет.
Мечты о счастье.

* * *

Море влюблено.
Радуга дотронулась
До его чела.

* * *

Среди колосьев
Топчется моя судьба.
Пшеница зреет.

* * *

Клевер душистый.
Шмель-гуляка опьянен —
Лето воспето.

* * *

Бодро сыпятся
С ясеней их крылатки —
Ветер-разбойник.

ПОРТРЕТЫ ПОЭТОВ

ВЫСОКИЕ НОТЫ НАТАНА СОЛОДУХО

...их становится меньше, меньше...
Возвращавшихся с войны — с другими душами: но и осветленными, с телами, помнящими слишком многое — и с усыхающей памятью поколений, уже слишком зыбко представляющих бездну подвига:

Из возвратившихся с войны
со смертной меткой половина:
остаться были не вольны,
они ушли — сошли лавиной.

Из половины тех живых
затем осталась половина:
четвертый каждый — «в ножевых».
И столько же — в живых невинно.

Натан Солодухо, фиксируя своим, особым, говорящим о вертикале дара словарем ситуацию, высветляет ее жестко и четко...
У поэта свои отношения со временем, протянутым различными нитями сквозь бытие: всеобщее и такое конкретное в каждом случае:

Как ощущение бытия,
лист акварели в светлой раме,

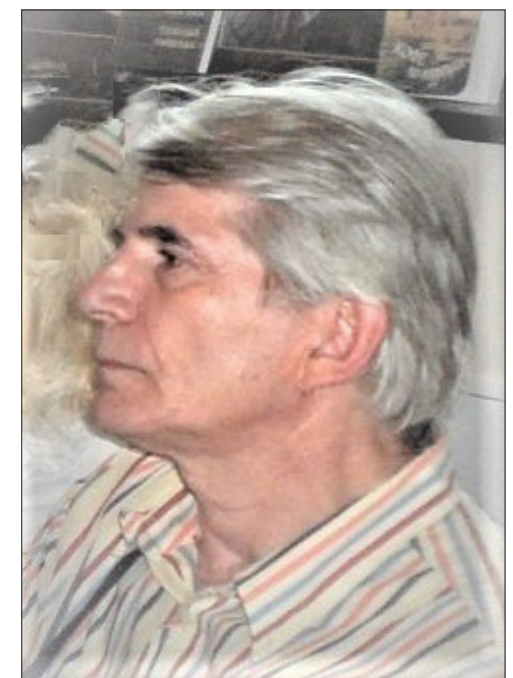
где мой отец на память маме
оставлен после жития.

Словно в некоторой магической точке все живы, и смерть — не более, чем фантом, с которым не стоит считаться.
...возникают дороги: почти сакральное понятие для человечества; и меты, которыми отмечаются они, будут классическими, но истолкованные стихом по-своему:

...и улица здесь — «Апполон»,
отель, конечно, «Афродита»;
и за окном — да, Парфенон с Луной, когда окно открыто.
А в ночь цикады напролет,
музейный город благосклонен:
и Логос читит, и Муза льнет, и мифы правят небосклоном.

В огромном культурологическом космосе смешано только подлинное, и Н. Солодухо, щедро черпая из оногo, добавляет красок к сияющим дугам своей поэзии: высокой, улавливающей тончайшие вибрации — чтобы передать их, оставить, сохранить...

Александр БАЛТИН

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Говоря об авторской сказке, мы не устаем удивляться богатству писательского воображения. В оригинальном взгляде на мир, наряду с универсальными общечеловеческими понятиями, существуют уникальные, фантастические, подчас парадоксальные представления, что является характерной чертой жанра литературной сказки.

Назвав свою историю «Приключения ноплов», автор подстегивает наше любопытство. Кто они такие? Откуда взялись? Почему «ноплы»? Специфическая сказочная картина мира, созданная волей автора, реализуется в тексте через особую систему речевых средств. У Александра Кормашова имена симпатичных пришельцев так или иначе несут в себе буквенное сочетание «нопл». С первых же страниц выясняется, что данное сочетание в существительных нарицательных в государстве Нопландия находится под запретом: «Дети! В ноплянском языке запрещены к употреблению следующие слова. Открывайте тетради и записывайте». Директор подошел к доске, взял мел и написал слово «конопля». Затем он написал «кинопленка», «зерноплющилка», «ринопластика», «моноплан», «одноплечий»...

Так-так... запреты, значит. В стране есть свой флаг, гимн и прочие атрибуты современности: летчик, пластические операции. Научно-технический прогресс в Нопландии сочетается с полным отсутствием демократии: у братьев по разуму все как у людей, только видоизменено. Оттого странности нашего общественного устройства вызывают у читателя не горечь, а добрый смех: надо ж, как автор все переиначил... И ничего удивительного, ведь исследуя планету Земля, инопланетяне невольно перенимали наши обычаи, а возвращаясь в свою далекую галактику, порядком все подзабыли. А то и вовсе перепутали: «Как там у них, на Земле, говорили: "Стреляный воробей и пуганой вороны боится"? Да. Кажется, так».

Литературная сказка как итог труда определенного человека, живущего в определенном времени, кроме присущей жанру фантастики и волшебства, выходящего за грани реальности, несет в себе современные этой эпохе идеи, отражает современные ей общественные отношения (читаем между строк): «А вот к востоку солнце всегда относилось чрезвычайно по-доброму. Ибо там стояла казарма. Самая обыкновенная казарма. Для солдат. И понятно, почему для солдат. Кто еще в мире, кроме настоящих солдат, сможет найти в себе столько мужества, чтобы постоянно жить на востоке?».

В очень мягкой и легко усвояемой форме автор доносит до нас примеры того, что происходит с нами в жизни. Подобное воздействие не вызывает сопротивления психики, так как не давит на читателя открытым морализаторством, а просто дает возможность увидеть новое, взглянуть на себя со стороны. Мир маленьких существ, произошедших от птички-коноплянки, — это пространство, где реальное и вымышленное становятся равноправными. Пародия на государст-

В книге есть такая реплика: «Иногда мне кажется: то, что я сейчас пишу, бессмысленно — она (самый лучший в мире читатель) не прочтет. Какое-то оцепенение».

Но книга написана, а это значит — иначе и быть не могло; «писать надо только тогда, когда не можешь не писать», говорил Толстой. Более того: издать ее автор считал своим долгом — поскольку дружил с Татьяной Бек более двух десятилетий. О характере книги сказал сам Евгений Степанов: «Любые мемуары — это, конечно, рассказ о себе. Избежать этого, к сожалению, не получается. Но мне бы хотелось рассказать именно о Татьяне Бек, о ее человеческих и поэтических принципах». И ведь выполнить такую задачу удалось! А почему? Потому что рассказ о Татьяне Бек составлен из коротких дневниковых записей, скупыми и меткими штрихами обрисовывающими характер поэта, ее предпочтения, пристрастия, антипатии; в таких кратких заметках, словно бы набросанных по горячим следам, что-то исказить и тем более соврать — невозможно; Степанов вообще не склонен комментировать свои свидетельства. Единственное, что он позволяет к ним приписать от своего лица — ноты глубокого уважения и почтения к своей героине. Это очень важная деталь, если учесть, что она была «человеком непростым — порывистым, увлекающим-

Александр Кормашов

«Приключения ноплов»

М.: «Вест-Консалтинг», 2021

венное устройство едва ли не любой европейской монархии вдруг сменяется прозрачной привязкой не буду говорить к какой стране: «Все ноплы когда-то учились в школе, а потому хорошо помнили, что звонок дается для учителя, а не для учеников». Не знаю, как там за рубежом, а у нас это правило до сих пор действует.

Бодрые, шустрые коноплянки миролюбивы. Не случайно пришельцы принимают облик именно этой птицы, а не какой-нибудь хищной птицы. Армия у ноплов простаивает, ибо воевать не с кем. Автор подчеркивает и абсурдность военных действий: «— А вон, смотрите! — раздался впереди крик. Это кричал генерал-танкист. — Видите? Как это понимать! Значит, кто-то может ходить с утра по траве и даже валяться на ней, а простому генералу уже и на танке проехать нельзя!» Неужели, несмотря на всю серьезность и жестокость, война — вещь достаточно нелепая? Да, с точки зрения гуманизма. В этой книге, кстати, пушки не стреляют, а военные умоляют мирных жителей провести учения, дабы не засохнуть от скуки. Эх, вот бы и в жизни так!..

Трудно сказать, на читателей какого возраста рассчитано это произведение. Точно не для самых маленьких, а для тех, кто уже умеет бегло читать. Но и верхнюю возрастную планку трудно установить. Александр Кормашов поднимает в своем сказочном романе и вопросы отношения полов, причем на взрослом уровне. Совсем не платонические рифмы крутятся в голове у влюбленного нопла: «В его голове стали складываться стихи и сразу в рифму: "садовница — любовница", "розовый бутон — сердце, как бетон". Сначала он не придал этому большого значения, но, написав стихотворение,

в котором использовалась рифма "любит — тубик", а бледность кожи сравнивалась с зубной пастой, он начал волноваться». Это и подтрунивание над современным литературным процессом, и практическое пособие: как не надо писать стихи. А уж слово «любовница» в наш просвещенный век знают, к сожалению, даже дошкольники.

Прекрасная садовница Ноплерия появляется в книге неспроста. Образ сада в художественной литературе — это попытка создания идеального мира взаимоотношений человека с природой. И у красавицы все цветет, в ее саду растут лечебные растения, с ней не вступают в конфликт даже представители власти. А маленький принц Нопличек, который, единственный из представителей власти, доказывает, что инакомыслящие — не сумасшедшие, символизирует целостность сознания и открытость души. В мире взрослых, в замке с башнями, малышу скучно, хотя у него есть все, что нужно для «раннего развития». И ведет он себя не как монаршьи особы. Делится печеньем с изгоем общества. Пытается помочь, чем может. В общем, такой же «сумасшедший», нестандартный ребенок. Глядя на него, хочется верить, что с таким наследником у королевства ноплов есть шанс на светлое будущее.

Земля будто не отпускает маленьких гостей, на космическом корабле то и дело творятся странные вещи. А все почему?.. Да потому что «официальная» версия о положении дел в стране резко отличается от действительности. Да, знакомо. Триста лет, проведенных на Земле, не прошли для инопланетных исследователей даром. Как старательно они утаивают от рядовых жителей правду о трещине в корпусе корабля! Диву даешься, насколько комичен наш собственный мир...

Чем же закончится эта история? К свету пришельцы таки выходят. Правда, не туда, куда изначально планировали прибыть. Александр Кормашов изящно подводит нас к осознанию единства всего сущего на планете: «Сначала мы были просто инопланетянами, потом стали однопланетянами, затем однопланами и, наконец, ноплами». Стройность сюжета и легкость повествования делают текст максимально доступным для понимания. Все перипетии, происходящие с героями, видятся нам обычными и естественными в данной ситуации, а конец этого сказочного романа кажется закономерным. Уникальная планета, которая видится голубой из космоса и способна превратить чужих в своих, сделать инородцев — частью себя. Мягкий юмор Александра Кормашова помогает задуматься о предназначении человека, об истинных ценностях и о том, как хорошо все-таки жить на Земле.

Вера КИУЛИНА

Евгений Степанов

«Татьяна Бек: на костре самосожжения»

М.: «Вест-Консалтинг», 2019

ся, резким» и «писательскую среду не очень любила, избегала ее, но беда заключалась в том, что другой среды у нее — от рождения! — не было». В подробности автор не вдается, и остается предположить, что и у него самого возникали какие-то острые углы в общении с Бек, но, видимо, это все было настолько неважно, что и не стоило упоминания.

Помимо мемуаров, в книге есть исследование о многообразии рифмовки у Татьяны Бек, а также интервью с поэтами, знавшими и любившими ее. Теплая получилась книга!

Эмиль СОКОЛЬСКИЙ

РЕКЛАМА

• литературный портал и магазин современной литературы и периодики •

КНИЖНО-ГАЗЕТНЫЙ КИОСК

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanov@mail.ru

КНИЖНАЯ ПОЛКА

В науке давно утверждается, что границы между художественными и нехудожественными текстами весьма условны. Литературоведческое исследование творчества Достоевского, осуществленное Николаем Караменовым, своим новаторством впечатляет читателя-новичка и удивляет даже читателя квалифицированного, поскольку оно нестандартно для восприятия как на логическом, так и на чувственном уровне, вдобавок существенно расширяет читательский опыт.

Николай Караменов видит в произведениях Достоевского то, чего не видят другие. Будучи поэтом, он и к работам великого прозаика подходит со своей меркой. Автор анализирует поступки знаменитых героев на основе мифологических представлений о быстром достижении благосостояния посредством совершения ритуалов плодородия.

Мифологическое сознание не разделяет понятий «пространство» и «время». В мифологической картине мира они существуют воедино, по принципу «здесь-сейчас». Мифологическая картина мира представляет собой пространство не как единый организм, а как расчлененное, состоящее из тех или иных фрагментов и определенным образом систематизированное. Произведения Достоевского прекрасно «укладываются» в эту картину, что полностью переворачивает наше понимание о них. Вот, например, потайной, скрытый от неподготовленного восприятия смысл романа «Преступление и наказание»: «...художественная, образная реальность романа существенно отличается от смысловой и представляет собой мир, где правят пожилые женщины. Они имеют богатство и распределяют его, — в символическом и мифологическом значении олицетворяют собой плодородие, тогда как мужчины становятся заложниками их богатства — плодородия и одновременно орудиями, слугами молодых женщин, которые вследствие служения им мужчин начинают обладать деньгами пожилых представительниц слабого пола». Мы об этом не думаем, однако, не только потому, что озабочены судьбой Раскольникова — признается или нет, но попросту этого не видим. А все потому, что смотрим «невооруженным глазом».

По мнению Алексея Лосева, миф не нуждается в усложнении, так как он представляет собой самое настоящее и реальное — нашу жизнь. Человек вынужден добывать себе пропитание, и в этом плане он недалеко ушел от «доисторического» пра-пра-пра... Именно это Николай Караменов доносит до читателей. Под каждым художественным образом, который в сложившейся науке триединства «автор — персонаж — читатель» трактуется с учетом читательского восприятия, существует контекстовый слой, который строится на мифологических формулах, имеющих место в религиозной картине мира многих первобытных народов. Вот, что, в частности, становится нам известно о князе Мышкине: «Убийства, как результат наказания преступника или как причина молниеносного обогащения, вызывают в нем негодование, но, когда Рогожин, наконец, умерщвляет Настасью Филипповну, князь испытывает некий благоговейный трепет

Н. И. Караменов
**«В погоне за золотым тельцом:
 богатство и его достижение в мифологической картине мира Ф. Достоевского»**
 М.: «Вест-Консалтинг», 2020

и вместе с тем и благоговейный страх, ибо смерть любимой им женщины — священнодействие, а Рогожин — главный исполнитель священного ритуала».

Вот ведь как! При культурной всеохватности и сопричастности традициям русской литературы для него творчество Достоевского оказывается «многослойным». Николай Караменов копает глубже остальных, поэтому видит гораздо больше, чем среднестатистические читатели, которым просто любопытно, «чем все это кончится». Вот и роман «Идиот» оказывается не трагедией «слишком хорошего человека», но четко структурированной системой: герой (далекий пращур) — некая ситуация, в которой герой совершает необходимое для выживания действие — технология выживания. Судьба Настасья Филипповны предreshена, и не в любви тут дело, и не в соперничестве Мышкина и Рогожина: «Внешне, с точки зрения бытовой логики, Лев Николаевич своим знакомым характеризует свою будущую невесту как нервно больную, сумасшедшую женщину. Подготовка к женитьбе со стороны князя идет вяло, без собственного влюбленного ажиотажа: в глубине своего подсознания он уже знает, что Настасья Филипповна ждет смерть». Эта сумасшедшая женщина служит жертвой, принесенной во имя обновления времени. Мурашки бегут по коже от того, насколько все ужасающе предопределено.

Как писал А. Ф. Лосев, «мифический и поэтический образ суть оба вместе виды выразительной формы вообще». Николай Караменов так легко проникает в закамouflирован-

ную бытовыми подробностями мифологическую суть романов Достоевского, поскольку сам поэт. Поэзия — овещенное слово, тогда как миф — жизнь, видимая изнутри. Однажды ощутив данное единство, «развидеть» его уже не получится. Потому автор «вскрывает» тексты Достоевского, вынося на наше рассмотрение их «животную» подноготную. Так он резюмирует суть романа «Бесы»: «Путugi “бесов” — всего лишь бунт мужчин, и бунт не против самого социального института Власти, как он показан в романе, а отчаянные попытки в знаковой системе Власти занять место женщины со всеми вытекающими из такого состояния обстоятельствами, — как то поиск мужчины-партнера, с которым бы формально взаимоотношения имели гомосексуальный контекст, и с попираемением женщин и всего, в широком смысле, женского, что напоминает просто борьбу с соперницами за обретение мужчины-партнера».

Сила антропологического подхода Николая Караменова объясняется жизненностью, суровой реальностью содержания мифа, хотя при первом столкновении с мифом хочется отмахнуться: это всего лишь сказка, фантазия! Герои Достоевского под пристальным взглядом автора обнажают неприглядную прагматичность своих действий: они борются за выживание, и те способы, которыми добывают себе средства к существованию, в былые времена не встречали осуждения. Кроме того, первобытные мифы определяли элементарные нормы функционирования членов общины, и любая попытка отклонения от устоявшихся правил общности карается разрушением связи человеческого и сверхъестественного начал, что мы видим в «Бесах»: «...в “Бесах” добровольно уходят из жизни те мужские персонажи, которые решили перевернуть с ног на голову модель Власти, а не найти для себя нечто совершенно новое, что в совершенно новом свете выражало бы для них Власть. Властвующую над мужчиной-партнером женщину, однако во многом обретающую влияние в обществе через сопричастие с общественным либо социальным авторитетом своего мужчины, “бесы” пытались подмять под себя и сделать от себя зависимой».

Литературоведческая антропология Николая Караменова смещает фокус изучения в затекстовую реальность. Поэт не рассудочен, он интуитивен, и силен не своим сознанием, а своим подсознанием. Выдвинутая автором на передний план антропологическая тематика открывает читателю картину взаимодействия персонажей, которая показывает их истинную цель — стремление к быстрому обогащению. Непросто говорить на эту тему в наше время, когда страсть сребролюбия навязывается нашему соотечественнику как смысл жизни, и тем актуальнее труд автора. Как ни парадоксально, именно такой способ прочтения наследия классика русской литературы оказывается не только плодотворным, но и заслуживающим доверия.

Ольга ЕФИМОВА

Владимир Масалов верит в исключительную судьбу Родины. Это наполняет каждое слово в сборнике каким-то восхитительным волшебством, надеждой, позитивом, несмотря на злоключения, происходящие вокруг.

Откуда же берутся такие люди, способные донести глубокую мысль столь тонко, между строк?.. В едва уловимом намеке — вся боль, все страдание, вся душа русского человека, воспитанного суровым климатом, измученного бесконечной борьбой:

Поля за околицей вымерли,
 Не стелется волнами рожь,
 И, словно в преддверии гибели,
 Скотину пустили под нож.

(Из стихотворения «Лет сорок я не был в деревне»)

Таких людей рождает Рязанская земля. Здесь следует привести небольшую часть биографии автора. Владимир Иванович Масалов родился в деревне Неверово Тумского района. Прошли

Владимир Масалов
«Невозможное счастье»
 М.: Капитал Пресс, 2019

годы — и он стал известным российским поэтом, дипломатом, Чрезвычайным и Полномочным Посланником России, Секретарем Союза Писателей России, лауреатом многих российских и международных литературных премий. В 2012 году был удостоен Премии «Лучшая книга года» за сборник стихов «Мой парус». С 1999 г. вышли в свет более тридцати книг. Его стихи переведены на польский, болгарский, албанский, румынский, шведский, испанский, итальянский, английский, китайский, фарси и таджикский языки. Поэзию Масалова читает если не весь мир, то добрая часть земного шара, и неудивительно: сборник «Невозможное счастье» — это возможное счастье для любого ценителя литературы!

Не менее удивляет и умение автора подбирать нужные слова, которые в его поэтическом слого обретают новую жизнь и особый смысл. Весь сборник — это живое бьющее-

ся сердце, пылающее откровением, бережно обернутое в тончайшую ткань метафор.

Владимир Масалов также обращается к проблеме предназначения человека, его судьбы, как истинный христианин говорит о Боге, Господнем милосердии и правосудии. Поэт часто напоминает читателю о скоротечности жизни. В связи с этим напрашивается вывод: в жизни есть вещи куда более важные, нежели материальное благосостояние. Время стоит уделять любви, служению Родине, единению с природой...

Вся поэзия Масалова, в том числе сборник «Невозможное счастье», — это калейдоскоп, сверкающий различными жизненными гранями. С каждой страницей читатель все дальше идет по тропе философии автора, открывая свои разум и душу навстречу точным словам и репликам. Они, будто цветы, украшают белые страницы образами метафор. Философия Масалова выражается в его отношении к каждому событию, которое он описывает: будь то природные явления или метаморфозы, происходящие в его душе.

Мария ДОСТОЕВСКАЯ

РЕКЛАМА

«Диалог» — это ваш телеканал!

**Телекомпания «Диалог» создает фильмы о тех людях и фирмах,
 которые добились значимых результатов в жизни**

Тел.: +7 (495) 971 79 25 факс: +7 (499) 152 28 04 адрес электронной почты: stepanovev@mail.ru

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

В названии книги нет слова «море», но оно без особого усилия прочитывается в этих двух словах — «крымская колыбель»... В этом названии книги прочитываются и соединяются и море, и земля, их живое движение и взаимодействие. Созерцание свободной стихии, ощущение близости стихии, движение которой подобно движению колыбели, создает состояние внутреннего созерцания и свободы самовыражения. Земля, на которой живешь не постоянно, а к которой возвращаешься периодически, зачастую открывается все новыми и новыми гранями, из впечатлений складывается некая мозаика, которую хочется сделать гармоничной и как можно более точной настолько, насколько отражение сравнимо с оригиналом. Эта полученная мозаика в данном случае сложена из прозаических произведений, отражающих внутреннюю и внешнюю жизнь писателя, причем соотношение метафизического и физического компонентов постоянно меняется, поскольку жизнь человека творческого происходит во всех эпохах сразу, это жизнь вне времени или, точнее, в иных временных параметрах и в других координатах, отличных от обыденного, приземленного пространства.

Благодаря активному представлению писательского творчества в интернете нынче достаточно легко ориентироваться в новых книгах интересующих тебя авторов. Так и я узнала о новой книге прозы Екатерины Блынской. Забрав в один из книжных магазинов, где по моим наблюдениям, всегда все есть, смогла найти последний (!) экземпляр, как говорится, еще пахнущей типографской краской книги. Едва начал читать «Крымскую колыбель» Екатерины Блынской, я уже знала, что буду писать отклик на нее, не рецензию, не отзыв, а именно отклик, ибо чувствовала, что душа моя откликается совершенно похожим образом на Крым. И есть у нас совпадения в восприятии этого свободно-стихийного пространства и явления. Восприятие это объемное, широкое и глубокое, всеми органами чувств и с напряженной активизацией всех когнитивных процессов. Настоятельная необходимость контекста принята автором с готовностью и серьезностью, из памяти скрупулезно достаются впечатления (мыслительные и чувственные) о пережитом и прочитанном, решительно все это дополняется абсолютно свежими переживаниями и впечатлениями зорко смотрящего путешественника, а форма художественного текста позволяет переплести все продуманное и прочувствованное в сложные «ткани» рассказа, сказки, эссе, повести. Эти литературные творения легко погружают читателя в пучину сюжета, как волна, как неотвратимая свободная стихия накрывают читателя с головой. Потому что много контекста, пронизывающего все мыслимые и немыслимые границы времени (от античности до современности) и пространства (невероятно разнообразно на просторах маленького полуострова). С контекстом переборщить нельзя. Автор этого и не боится. Автор отважно шагает в тему любой сложности, не отворачиваясь от реальных событий пишет и о страшном, и о невозможном (от сюжетов о человеке на войне душа замирает и кровь стынет), и про вполне обыденное и предсказуемое, светлое и спокойное. Все бывает в жизни. И многое вместились в эти тексты. И многое продолжается за пределами текстов.

Екатерина Блынская являет нам свой опыт гармоничного сосуществования писателя и человека. И в этом, вероятнее всего, кроются предпосылки откровенного общения посторонних людей с писателем, случайно или неслучайно встреченные люди доверяют писателю многое и сокровенное, ведь люди видят прежде всего молодую маму с детьми, передающую детям опыт путешествия в пространстве и во времени, опыт существования в этом мире (как в широком смысле, так и в конкретном случае крымского путешествия). Пример сознательного, серьезного подхода Екатерины и к литературным планам, и к семейным воспитательным задачам никого не может оставить равнодушным.

А писатель Блынская откровенна с читателем и в первом же эссе не скрывает своих методов и планов:

Екатерина Блынская

«Крымская колыбель»

М.: «Вест-Консалтинг», 2020

«Нужно было сделать и выслушать очень много, нужно было придумать все и сложить в одну мозаику моего замысла. Мне хотелось написать что-то теплое, от души, близкое мне по крови и по разуму, но без всякой дидактики и пафоса.

Море было совсем рядом. Оно шумело за заборчиком, через дорогу, за масличными деревьями, оно тихо шептало нам...

Вечерами я записывала то, что придумала за день. Дети радовались свободе, бегали по бесконечно длинному, широкому и вольному пляжу. Мы встречали каждый закат, как чудо. Они удивлялись красотой, а море было теплым и тоже разным каждый день».

Эта большая цитата (как, впрочем, и другие нижеприведенные) вполне дает представление о языке автора. Этот язык всегда образный и поэтический, с адекватными интонациями и ритмом, сообразно сюжету. И контекст обширен, ярок и весом.

«Бабушка Валя, как истинный старовер, с трудом шла на контакт в первое время нашего пребывания. Но чуть позже, отделив нас от других "обливанцев и щепотников", вынесла книги и календари, и фотографии себя, молодой и серьезной».

«...мы сидели допоздна и рассуждали о жизни, о вере, о правде, которая сейчас никому не нужна. Вера и Ваня играли с щенком и котенком, подбирали гигантскую "муррр" шелковицу, вымазывая ее соком.

Бабушка вынесла книги, и Соня, усевшись перед ней на маленький стульчик, читала староверческие стихи с пророчеством. Бабушка Валя плакала, представляя конец мира, как будто боялась, что доживет. Плакала, может быть, не о себе даже, а о нас. О том страшном времени, которое идет "как по писанному».

Это чтение стихов было таким трогательным, что даже Ваня и Вера затаили и сидели, раскладывая на столе ракушки и стараясь не драться».

Особый колорит языку придают архаизмы и отголоски местных наречий. Как ярко это проявилось, например, в рассказе «Ойнохойя» и в сказке «Сладкие воды»!

Небольшая зарисовка из жизни крымских виноделов древнегреческих времен, подобно театральному действию, погружает читателя в декорации прошлого, частично сохранившиеся и до наших дней: «Вы видите каменный двор госпожи Ксантии, выходящий террасой к морскому берегу, где прямо в скалах выбиты тарапаны, каменные давилки для винограда».

И как послание античных времен доходит до нас такое рассуждение:

«Виноград, дарованный богами, подогревает скучные дни смертных.

Но от роста до кубка долгий путь, и это путь труда. Когда же вы держите кубок, начинается путь счастья».

Так уж устроен человек, что должны быть в его жизни мечта и хоть немного веры в чудо, а иначе нет его душе покоя и мыслям света. А особо обостряется такая потребность в тяжкие времена. Вот и сложилась у Е. Блынской о периоде гражданской войны (1918 год) такая невероятная сказка — «Сладкие воды». Язык сказочный, множество аллюзий на известные из истории события.

«Паисий Тимофеевич сидел на перевернутой фелюжке в хорошую погоду, поглядывал за рыбаками и тянул свою долгую песню про Богом данный Град, чужие мощи, змиевы валы да утопшие корабли, да про обороны и диковины, которые он пережил».

«Дикие люди разного цвета, как называли они себя, приходили с далекой суши, а конец им дедушка Паисий Тимофеевич находил всем в одном месте.

Ему была путина, полная рыбы, всегда горячая, что раскаленное серебро, так он и помнил те дни молодости и вел цветных людей в даль».

«Да будут вам полные меха, будут вам полные потроха, будут вам сильные веса и блаженные небеса!

А свято место останется за голым и босым, за хлебом и водой, за битой пяткой, за красной щеккой, за худыми костями.

Сладкие Воды трубят о рождении ветра, а ветер прибудет бурей к ненастному берегу.

Так говорит он трубно и звонко. И белые чайки носятся над волнами.

Помер Паисий Тимофеевич позатем летом, позапрошлой зимой, потайной осенью, порос травой со своими орденами и вырос в можжевельный бородастый куст.

А внуки его так и водят до Сладких Вод синих и черных, зеленых да рыжих, желтых, всех водят, кто ни попросит, да назад только рыбу привозят.

Хороши наши Сладкие Воды, всех влекут, да не всех отпускают».

Проявления моря так же различны, как и проявления человека — от умиротворения до ужаса, которого, казалось бы, и быть-то не может, а происходит, случается. И в жизни человеческой так бывает — все благостно, как в колыбели, а то настигает девятый вал, безумный и беспощадный, и надо выживать, оставаться человеком даже в нечеловеческих условиях. А если «бес попутал», человеком остаться не удалось, что тогда? Как жить дальше или дальше уже и не жить? Эти вопросы писатель ставит и бесстрашно разбирает в рассказах и повестях о войне. А уж войны-то в Крыму было с лихвой. В такие трагические периоды ставится под сомнение принадлежность земли именно тем людям, которые живут на ней, предки которых жили на этой земле. У чужаков нет чувства связи с землей, родства с ней.

Путешествуя, читая, можно открыть для себя нечто новое, важное о жизни, чего без передвижения в пространстве и во времени тебе не открывается. Но уж если открытие случилось, то о нем хочется рассказать, создать его словесный образ, чтобы запомнить, чтобы не стать, по выражению Гёте, «унылым гостем на темной земле». Память — настолько мощное явление, что подпитывает жизнь, связывая поколения людские.

«Пишите, пишите больше! Закрепляйте каждое мгновение, каждый жест, каждый вздох!» — дневниковая запись Марины Цветаевой, сделанная больше века назад, 16 января 1913 года. Слова связывают нас с настоящим и с прошлым, иногда дают вектор в будущее. Книга Е. Блынской связывает нас с Крымом, с его историей и легендами, с его людьми, с пространством, с природой. Память писателя, отображенная в этих ярких художественных текстах, становится памятью читателя, пусть даже и частично, но благодаря словам, идущим от людей и через людей, эта ниточка памяти прядется и не прерывается. Так тому и быть.

Елена ТКАЧЕВСКАЯ

РЕКЛАМА

Издательство Евгения Степанова

СПЕЦИАЛИЗИРУЕТСЯ НА ВЫПУСКЕ СТИХОТВОРНЫХ КНИГ

серия «АВАНГРАНДЫ»

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Замечательный город Долгопрудный в ближайшем Подмосковье знаменит прудами, храмами, дирижаблями и, конечно, почти каждому москвичу или жителю Подмосковья при упоминании слова «Долгопрудный» память подбрасывает аббревиатуру МФТИ — Московский физико-технический институт, или, сокращенно — «Физтех».

О чем эта книга? И о легендарном учебном заведении, нацеленном на подготовку инженеров и ученых в различных областях науки. И об авторе, поступившем на Физтех 65 лет назад. А также о нас сегодняшних. Несмотря на то, что книга в большей степени адресована сегодняшним студентам и абитуриентам Физтеха, она легко читается и «непосвященными». Особое удовольствие испытывают любители истории, а также старшее поколение. Те же, кто родился после развала СССР, могут проникнуться атмосферой ушедшего времени. Воспоминания автора помогают лучше понять настоящее, заглядывая в собственное прошлое. После прочтения испытываешь гордость за советскую науку, надежду, что традиции фундаментального образования сохранятся и в XXI веке, и радость за автора, причастного к истории Физтеха. Хочется написать: «которому повезло туда поступить», но нельзя приписывать это обстоятельство исключительно везению. Иосиф Рабинович, приняв решение поступить в лучший институт в стране, так описывает свою дальнейшую жизнь: «Три года после того лета я с переменным усердием готовился. У меня появился сборник задач для поступающих на Физтех, я ходил на лекции по физике и математике в старое здание МГУ на Моховой. Так начался мой путь в Долгопрудный».

На своем сайте автор пишет о себе с изрядной долей юмора: «Принадлежу к известной долгопрудненской организованной научно-технической группировке — окончил Физтех». Между прочим, мало кто знает, что знаменитый Физтех создан по примеру Кембриджского университета: удаленные от столицы корпуса разбросаны по пригороду и хорошо встраиваются в местную инфраструктуру. Так студенты-физики могли целиком посвятить себя науке, не отвлекаясь на суету шумной столицы. Но если сейчас добраться до знаменитого МФТИ можно на комфортабельной электричке, то во времена студенчества автора в городке не было даже тротуаров: «Эта грязь почему-то вызывала у нас положительные эмоции и давала бесконечные поводы для шуток, и теперь вспоминаем мы о ней с лаской и умилением».

Где прячется дух времени? В простых, «низменных» бытовых подробностях, порицаемых недалекими мемуаристами за их «второстепенность». То, что мы обычно упускаем, ведя дневники. Однако именно они добавляют живости в описание прошлого знаменитого института: «В пятидесятые годы столовой физтеха заведовал некий Вергунец: легенда гласит, что однажды в столовой исчезли многочисленные кошки, а на следующий день в меню появилось рагу из кролика — на физтехе говорили «котик под кролика»».

Но это мелкие детали. Бытовые неурядицы неспособны отнять у студентов главное — ощущение свободы и могущест-

Иосиф Рабинович «Из Долгопрудной» М.: «Вест-Консалтинг», 2021

ва, прорыва в неизвестное, чувство принадлежности к творящим историю: «Еще бы, только недавно полетел первый спутник, и, хотя лейтенант Гагарин еще ничего не ведал о своем легендарном будущем, мы-то знали, что именно мы, а никто другой, поведем его (конкретная фамилия не имела значения) к Луне, к Марсу и далее везде». Тут начинаешь немного завидовать автору и его соученикам, потому что в наше время редко у какого студента горят глаза при упоминании alma-mater.

Малый повествовательный жанр, свойственный прозе Иосифа Рабиновича, делает эту автобиографическую книгу интересной не только узкому кругу физтеховцев. Свойственный жанру новеллы быстрый, напряженный сюжет, изображение отдельного события в жизни человека, но имеющего важное для него значение, ярко проявляется во многих ситуациях. Так, например, на занятиях по английскому языку молодой человек решил «проявить себя»: «На следующее занятие Мишка принес американскую книжонку "Голая убегает в ночь" с полуодетой грудастой блондинкой на лаковой обложке. И тут началась комедия. Парень прочел пару абзацев, как было у нас принято, и стал переводить. "— Как он ее взял? Что он сделал правой рукой? Что означает это слово?" — вопрошала через слово Майя». Не тушуясь и не выходя из себя, учительница, прошедшая войну, ставит аспиранта на место. Надо ли говорить, что этот эпизод врезается в память читателя?..

Иосиф Рабинович пишет о своей жизни, которая в той или иной степени связана с Физтехом. Мы видим выдающихся педагогов, знакомимся с выпускниками института, окунаемся в студенческую атмосферу, путешествуя с автором в прошлое.

А возвращаясь в сегодняшний день, задумываемся: что будет с нашей наукой и что будет с нами? Нельзя назвать данную книгу мемуарами в строгом смысле этого слова, поскольку короткие новеллы, вошедшие в нее, построены по закону этого жанра (один из которых — малое количество действующих лиц). В то же время, эти маленькие истории наполнены документальным материалом: фото из личного архива автора приходятся как нельзя более кстати, когда речь идет о биографиях педагогов и однокурсников.

Этим можно было бы и ограничиться, но автор отдает дань уважения и студенческой смеховой культуре. К полувековому юбилею института автор переписывает старую студенческую байку-пародию на чеховского Ваньку Жукова. Теперь уже дедушка, почтенный главный научный сотрудник, пишет «на деревню внуку», тщетно пытаясь освоить виртуальное пространство: «Когда хитрая система попросила его указать e-мейловский адрес получателя, он подумал немного и затем набрал: vnooshek@us.com». А физтеховской команде КВН посвящена отдельная история «Мы начинали КВН, или Полет снежной бабы». Она и начинается крайне несерьезно. Отметив, что данный проект — чисто отечественный продукт, автор включается в повествование: «Мы узнали про КВН случайно, просто у меня выключили воду, и я вынужденно вместо ванны смотрел ящик».

Мало кто из выпускников, получив заветный диплом, вспоминает о своем вузе. А уж посвятить книгу родному институту... вы много знаете таких? Но для Иосифа Рабиновича очень важно, «чтобы Физтех, меняясь во времени, оставался Физтехом в сути своей, независимой от времени». Но для этого необходимо многое, прежде всего — подготовка школьников, будущих абитуриентов МФТИ. Читая рассуждения автора на тему школьного образования, дивишься разнице подачи учебного материала в советское время и сейчас: «Школьное образование в годы нашей молодости было устроено так, что гуманитарные дисциплины, задавленные идеологией, мог сдать на отлично практически любой, мало-мальски отличающийся от троглодита. А математика — она и в Африке математика, впрочем, и физика тоже, хотя и в ней пытались хозяйничать досужие идеологи-философы, но — нужна была бомба, и пришлось распусть пути. Так вот, чтобы преуспеть в этих науках, школьнику нужны были способности, специфический склад ума. И были эти науки престижны — и в обществе, и в государстве».

Уважение к фундаментальной науке, не поддающейся идеологическим «трактовам» и тем более — переписыванию в угоду новой экономической формации — стержень данной книги. Иосиф Рабинович надеется, что яркая звезда Физтеха будет сиять на научном небосклоне «ныне, присно и веки». Да будет так! Этому, конечно, поспособствует данная книга — связующее звено прошлого, настоящего и будущего.

Ольга ЕФИМОВА

Художественный альбом — это не просто книга, а предмет искусства, в котором изображениям (иллюстрациям) отведена главная роль. Воспроизведение визуального художественного материала — картин и фотографий, отражающих историю семьи художника — выносит это издание за рамки сугубо литературного. Почему же мы имеем право говорить о поэтической составляющей данной книги?

Просто потому, что к литературе она имеет прямое отношение. Связь живописи и поэзии открыта не вчера: еще Леонардо да Винчи говорил: «Живопись — это поэзия, которую видят, а поэзия — это живопись, которую слышат». Ему вторил Н.В. Гоголь, утверждая, что «поэзия и живопись — родные сестры». Если же абстрагироваться от высказываний классиков и рассмотреть в акварели Дмитрия Анигеева, мы увидим — и ничего нет в этом удивительного! — поэтическое мировосприятие автора. Поэзия — это ведь не только создание внешних форм с помощью кисти или слова, а, в первую очередь, мироощущение.

Радость первого впечатления, восторг узнавания мира, который могут испытать люди с широкой душой и добрым сердцем.

Жизнетворческий потенциал картин Дмитрия Анигеева утверждает победу памяти над забвением, сыновней любви — над неумолимостью времени, и как итог — торжество добра над злом. Читателю становится столь же интересно, кто автор иллюстраций, как и то, что на них изображено. Художник с абсолютно лирическим, чистым восприятием мира открывает нам историю своей семьи.

Семья — это начало и продолжение каждого человека. Ребенок хочет гордиться своими родителями. Неважно, борздит ли он небесные просторы или скромно подметает тротуары. А ведь художнику есть, чем гордиться: за всю жизнь папа Дмитрия, заслуженный пилот РФ, налетал 22430 часов! Но чего бы стоили эти заслуги, не сложись между отцом и сыном дружные, доверительные отношения?.. Автор предваряет галерею своих акварелей главными словами: «Папа очень мне дорог и любим. Я очень многим обязан именно ему. Он всегда был мне больше, чем просто папа, он был мне

Дмитрий Анигеев «Мой папа летчик» М.: «Вест-Консалтинг», 2020

лучшим другом». Отец поддерживал в сыне интерес к истории рода. Именно это и дало талантливому акварелисту силы на осуществление задуманного.

Техника наивной живописи уникальна, поскольку развивается вместе с личным опытом автора. Эти картины наполнены огромной любовью. Изображение подчиняется не законам перспективы, а логике автора — классические каноны отступают, освобождая место центральным персонажам. Перед нами предстает папа художника, Станислав Трофимович Анигеев. Портреты его родителей, рисунок, изображающий блокадный Ленинград, детский дом, юность, служба в армии, свадьба с мамой художника... человеческая жизнь так быстротечна!

В книгу включены не только творчество Дмитрия Анигеева, который в своих акварелях воссоздал страницы жизни своего

папы по его рассказам, но и раскрывающие личность этого замечательного человека биографические данные, представленные архивным отделом Объединенного Музея Гражданской Авиации Санкт-Петербурга, воспоминания о его яркой индивидуальности родственников и коллег по работе. Благодаря синергетическому эффекту, альбом становится не просто мемориально-художественным, а полноценным поэтическим изданием. Эту книгу необходимо распространять не только в узком кругу близких художника, но и среди широкой аудитории.

Картины Дмитрия Анигеева непосредственны и просты. Так — с трепетом и восторгом — ребенок смотрит на своих родителей. До тех пор, пока не подрастет и не научится осуждать. А вот автор осуждать отказывается. Он понимает, что родители дают нам все, что могут дать. Это не громкое клише, это правда, осознав которую, в сердце рождается принятие, а после — благодарность. Как отмечает во вступительном слове художественный редактор книги Irena Ssance (Ирена Санс): «И палитра здесь настолько широка и разнообразна, что остается только восхищаться и удивляться, как в наш современный век мы можем соприкоснуться с памятью рода и желанием сына поделиться этой «памятью», воспоминаниями с широкой аудиторией на пространствах творчества». А ведь благодарность — это душевный отклик человека на ранее проявленные к нему тепло и заботу.

Лицемерные люди могут сказать: «Спасибо за все, что ты для меня делаешь», хотя на самом деле никакой благодарности не испытывают. Хрупкость искренности, которую многие искусствоведы не учитывают, тем не менее, первична для поэтического восприятия. В работах Дмитрия Анигеева сквозь иллюзию простоты просвечивает глубокий смысл взросления человеческой личности и наступления ее зрелости. «Выйти в массы» эта книга обязана хотя бы для того, чтобы наши дети получили шанс расти с осознанной и глубокой благодарностью к родителям.

Ольга ЕФИМОВА

ПРОЗА

АЛЕКСАНДР ФАЙН

ОДИНОЧЕСТВО, ОБМАНУТОЕ СЧАСТЬЕМ

(РОМАН)

Александр Файн — прозаик, драматург. С отличием окончил машиностроительный факультет Московского института химического машиностроения. С 1958 по 1988 год работал в промышленности, был главным конструктором по ряду образцов новой техники. Член МСПС, Союза писателей XXI века. Автор публикаций в журналах «Слово», «Дети Ра», «День и Ночь», «Крещатик». Автор нескольких книг. Лауреат премии «Писатель XXI века». Живет и работает в Москве.

Продолжение. Начало в № № 7, 9, 10-12, 2020, № 1, 2021

ГЛАВА 1.4

У подъезда побряхтывал на парах новенький джип «Патрол-Ниссан», месяц назад купленный по рекомендации Анатолия, его бессменного водителя-охранника. За десять лет практически ежедневного пребывания «тет-а-тет» Анатолий научился безошибочно определять душевное состояние шефа, поддерживая по ситуации разговор или молчание. К тому же водитель очень умно сохранял доверительные отношения с Ольгой и обладал чутьем в дозировании информации, которая через него транслировалась между супругами.

Тулин, откинувшись на подголовник, закрыл глаза и спросил:

— Бокс смотрел по ящику вечером?

— Только первый бой... То ли бокс, то ли объятия двух геев.

— В наше время такой бой «грязью» считался. Нас до первого разряда базовой школе бокса учили, а уж потом переходили на специализацию: кто технарь, кто ударный...

— Сейчас, Павел Андреевич, способных сразу индивидуально натаскивают. Большинство в «бои без правил» стремятся... Там деньги. Нынче сначала шоу, а уж потом спорт. Потому, наверное, и грязь в боксе процветает... А смешанные бои — это улица, уродство спорта. Другое дело: биатлон, комплексное плавание, наконец, десятиборье в легкой атлетике. Тогда уж лучше три раунда бокс, три — дзюдо или через раунд... Ну, а уж политика — исконок веков шоу... Оперетту сменил мюзикл — а это чистое шоу: средненький вокал и побольше технических эффектов. В хоккее помнят не шайбы, а драку. Так всегда было. Гладиаторы, коррида, прилюдные казни... Чужая кровь сладка...

— У нас вознаграждение заканчивалось спортивной амуницией и талонами на питание... Ну еще поездки... А ведь, по сути, грязь на ринге или на льду — это воровство, точнее — подлое шоу. Так мир устроен: всеобщий воровской процесс — один из главных локомотивов цивилизации. — Тулин закрыл глаза и тихо сказал: — Прав ты! Просто, наверное, мир другой и я уже стал брюзгой! Может, пора... на отдых.

В советское время Анатолий возил влиятельнейшего члена Политбюро и был зомбирован на превосходство коммунистического режима. Это злило Павла, но одновременно помогало объективно оценивать происходящее. Кумиром Тулина был Пётр Аркадьевич Столыпин¹. Великий сын России, математик по образованию, посланный на Российскую землю для исполнения Божьего Промысла, но отторгнутый российской элитой. Вообще Павел был убежден, что у руля России должны стоять математики. «Только они, реально просчитывающие логику движения, без политической трескотни и тумана несбыточных обещаний, способны задать оптимальный путь развития, сформулировав необходимые и достаточные средства и условия движения по этому пути».

Потому сегодня есть как есть! А Пётр Аркадьевич смотрит с пьедестала у въезда в Белый Дом на набережной Москва-реки и пытается понять, почему Матушке России не пришлось ко двору ее верный сын?! И может, еще не поздно на пьедестале выбить слова великого сына Отчизны: «Родина требует себе служения настолько жертвенно чистого, что малейшая мысль о личной выгоде омрачает душу и парализует работу»... А элита Рассейская зачем отстранилась от забот государевых, праведных? Где Совесть ненароком али по разумению обронула?! Неужто так сладки счета длинные в сχροнах чужеродных, хоромы высокие на берегах заморских, ладьи белоснежные, что взором с кормы до носа враз не охватить, повозки чужестранные, быстрые самоходные, золоченные — чтоб за державу не радеть! Случись беда державная, у детишек, кров и науку на земле нерусской обретших, им не попятаться! К ответу Совесть тогда призывает. Строга больно свекровь-история к пренебрежшим ее наставлениями. Пора сердцем, а не словами пустыми Предназначение свое осознать, что нынче величают словом чужеродным «идентичность». Не вред в полатах на самом виду «Далев словарь»² поставить. О котором сам Гоголь прописал: «Каждая строка его учит... Не пекись о своем насущном, пекись о нетленном».

Стало быть, о заботах народных наставлял Владимир Иванович Даль. Не во вред и речи, к народу обращенные, по Далеву словарю сказывать. «И потерпит Народ Рассейский

во славу будущего Державы в очередной раз да и простит тому, кто сердцем и умом покается и впредь за страну, а не овамю живота своего печься будет!».

Интересы Анатолия, помимо собственной семьи, распростирались на рыбалку, джаз и автомобили. Он виртуозно водил машину, безошибочно выбирал маршруты в незнакомых местах, без последствий договаривался с гаишниками. Однажды в тире он ошеломил шефа, выбив за минуту девяносто восемь очков из ста. После этого случая Тулин, особо ценивший людей-мастеров, проникся искренним уважением к помощнику. При кажущемся внешне умении сохранять спокойствие в сложных ситуациях, Павел был подвержен внутренним душевным срывам, которые могли довести его до депрессии. Умение собраться в нужный момент, взять на себя полноту ответственности в опасной для жизни ситуации и эмоциональная незащищенность совмещались в нем, нарушая все законы психологии.

Именно Анатолий, с его умением молчать, а если спорить, то — нетривиально, был для Тулина находкой!

В половине восьмого джип подъехал к чугунной ограде в одном из переулков центра Москвы. Дежурный, стоявший перед воротами, заглянул в окно со стороны водителя и козырнул. Ворота открылись. У подъезда особняка, построенного в конце XVIII века, два парня сгружали ящики. До распада Союза этот особняк, спрятавшийся в глубине двора за огромными липами, которые видели еще наполеоновских солдат, принадлежал известному ведомству. Теперь здесь размещался головной офис «Омега-Инвест».

Три дюжих молодца в черных комбинезонах наблюдали за разгрузкой. «По-видимому, привезли новую мебель, которую заказали еще месяц назад... Сколько же способных к производственному труду занимают в стране охраной! Разве экономик может быть экономной — как говорил самый удобный всем советский лидер — если на одного водопроводчика в стране приходится сто охранников? Может, не все надо охранять, и убытки без охраны, с учетом зарплаты стерегущих, будут значительно меньше?».

Как-то в буфете фитнес-клуба Павел пил кофе. Сидящая с ним за одним столом хорошо одетая миловидная дама назвалась управляющей и спросила, будут ли у него пожелания к работе клуба. Тулин поинтересовался, сколько случаев кражи полотенец зафиксировано за все время существования клуба, чтобы оправдать содержание штата на выдаче и приеме полотенец. Через месяц полотенца лежали в свободном доступе...

«Догадываются ли сидящие в высоких креслах управления страной, что экономика — это не повсеместный дорогостоящий контроль, на который нужен новый контроль и так по восходящей, а, прежде всего, здравый смысл и расчет? Любой контроль, как показывает жизнь, обходится размером, адресом и умением дать бакшиш!».

Тулин вошел в приемную. Оксана поправила шикарную рыжую копну, одернула юбку и стоя поприветствовала шефа.

— Как выходные? — спросил он, открывая дверь в свой кабинет.

— Была в театре. Новая пьеса в «Современнике».

— А почему была, а не были?

Оксана не ответила и снова поправила волосы.

— Павел Андреевич, в семь тридцать звонил Крестов. Сказал, что не смог вечером дозвониться...

— Генералы такого ведомства в такую рань по ерунде не звонят. Я вечером телефон отключил... Наверное, опять приглашал тебя поужинать? — Тулин хитро посмотрел на помощницу. — Хороший вкус у него!

— Зато он не в моем вкусе... Я вышла бы за мужчину, от которого можно родить... Чтoб постарше лет на пятнадцать был, физически крепкий, с хорошей генетикой... А таких уже расхватали. Генералу я для других дел нужна.

— Это всегда от женщины зависит... Но пока ты не замужем — нелишне о будущем и здоровье подумать. Время нынче монетарно-прагматическое... Как-то голландская королева спросила Первого министра: «Говорят, все женщины продажные. Неужели это и меня касается?» — «Да, Ваше величество», — вздохнул министр. — «Ну и какова цена королевы Голландии?» — «Ну вот, Ваше величество, Вы уже торгуетесь!»

— А какова моя цена? — Оксана покраснела и кокетливо вздернула голову.

— В начале XIX века красивая, здоровая и обученная полезному ремеслу крепостная девка продавалась за тысячу рублей серебром. На свободу, образование, языки, знание компьютера вводим коэффициент десять. Обязательно контракт на пять лет с продлением по обоюдному согласию в присутствии нотариуса.

— А почему так долго? Вдруг встречу и полюблю нужного мужчину.

— Ты ведь женщина серьезная, а не вертихвостка какая! В контракте пропишем, что ты можешь прекратить его без последствий спустя два года. Теперь определим месячную цену содержания.

— Но тогда деньги другие были.

— Вот и посчитаем. Приличный плотник получал сорок копеек в месяц, нынче деревянщик меньше, чем за восемьдесят тысяч в штат не пойдет. Идем дальше. Висюльки-колечки с серьезными камушками не менее трех каратов, серебристый мерс-купе с движком на пять литров, поездки на Таити и в Сан-Марино зимой, морские прогулки на стометровой яхте, проживание на время контракта в апартаментах с видом на Москву-реку, салон красоты с ценником пятьсот долларов в час, курорты с отдельным бунгалo... Короче, умножим, разделим, округлим. Получается пять миллионов в месяц целковых — общие затраты. Стало быть, если появляется симпатичный, спортивный, не старше пятидесяти, с медицинскими рекомендациями, — почему бы нет!.. Ну как?

— Я подумаю... Квартира, машина и побрякушки в собственности? — Оксана сказала тихо, опустив голову.

— Это уже разговор!.. А за презент к моим именинам — такое прекрасное художественное издание словаря Даля — поклон. В долгу не останусь. Намекни только, чтобы я попустому не сутился.

Генерал Крестов давно положил глаз на Оксану и даже как-то спросил у Павла разрешения пригласить ее на ужин с продолжением... «Видать, безуспешно. Среди рыжих дур не бывает. А у генерала таких миллионов в заглазнике, чтоб супруга Марина не знала, точно нет!».

— До революции «Далев словарь» каждый гимназист знал. А сейчас молодежь на абракадабре общается: половина английских слов вперемешку с феней и словами-паразитами... Что это означает: «Вроде как бы?»

— Значит «да».

— А ты знаешь, что означает твое имя?

— По-гречески — «чужестранка».

— Хранительница очага. Повезет мужчине, кто тебе обручальное кольцо наденет... А почему я Павел — сам не знаю. Свидетельства о рождении, или, как говорили, метрики, не было. Пашка и Пашка. Как Крестов появится, сразу же чайку зеленого! Хотя нет... лучше коньячку. Генералам коньяк положено пить.

— Еще звонил Ефим Львович. Напоминает, что сегодня ждет вас к трем часам.

— Профессор Файбис по гражданскому ранжиру генерал-полковник. До революции тайный советник, а по военному ведомству генерал от инфантерии. В прежние времена, которые ты не застала, старший майор госбезопасности армейского генерал-майора повыше стоял. Но лучше бы тебе этого

ПРОЗА

АЛЕКСАНДР ФАЙН

ОДИНОЧЕСТВО, ОБМАНУТОЕ СЧАСТЬЕМ

(РОМАН)

Продолжение. Начало на стр. 7

не знать!.. Ну что, с богом! Когда ждут дела, есть жизнь. А если я их буду ждать, то плохи мои дела.

Выпускница института иностранных языков Оксана была украшением приемной. Высокая, стройная, с двумя, помимо хорошего русского, языками — английским и испанским. После окончания института она быстро вышла замуж за дипломата. Но брак не сложился. После двух лет пребывания в Бразилии вернулась в Москву. Ее муж оказался приличным человеком, дал ей денег на однокомнатную квартиру и признался, что всегда любил другую женщину и теперь обстоятельства позволяют им соединиться. Когда Оксана начала работать, Павел пару раз восторженно отозвался о своей помощнице. Ольга быстро среагировала: она заехала к супругу на работу в модном спортивном костюме без макияжа и украшений, осмотрела его рабочий кабинет и с ослепительной улыбкой вручила помощнице перечень рекомендаций на английском по закупке аксессуаров. А спустя месяц прислала с Анатолием коробку шоколадных конфет и бутылку шампанского с благодарностью за внимательное и быстрое исполнение ее пожеланий.

С генералом Крестовым Павла познакомил президент корпорации на важном мероприятии. Наутро президент позвонил по линии, которую между собой они величали «трубкой раз». Президент посоветовал подружиться с Крестовыми семьями, что было естественно по возрастному критерию. «Он числится в отставке, — сказал президент, — но, как ты понимаешь, там отставка — вещь условная. Мужик влиятельный и деловой, а жена его в прошлом окончила консерваторию. Я ему про тебя сказал. Он ко мне во вторник собирается. Приезжай, вместе пообедаем».

Обе четы встретились после премьеры в театре Сатиры, оказавшись на званом ужине за одним столом. Приятельские отношения стали складываться. На дне рождения генеральши, который справляли на даче, Марина и Ольга общались как старые знакомые. По аккуратно сдержанным воспоминаниям и манере держаться нетрудно было догадаться, что все пятеро присутствующих мужчин, помимо Тулина, ветераны разведки с серьезными эполетами. Ольга вначале осторожно восприняла такое общество, но скоро коньяк и шампанское сделали свое дело. Павел настоял, чтобы жена выдала свою фирменную цыганочку с выходом. Мужчины, став на колени и держа бокалы шампанского в одной руке, поочередно подавали Ольге свободную руку, а она, красиво тряся, как настоящая цыганка, плечами, выбивала дробь. Когда музыка закончилась, Ольга взяла у самого седого кавалера бокал, выпила и под аплодисменты с силой разбила об пол. Марина тоже разбила свой бокал и села за пианино. Все дружно спели «Очи черные» и «Ямщик, не гони лошадей».

Спустя несколько дней позвонил Крестов и предложил решить вопрос с переездом офиса в старинный особняк в арбатском переулке...

В кабинете Тулин открыл окно. Во дворе продолжали разгружать мебель. Павел глубоко вдыхал утренний московский воздух, еще не успевший насытиться выхлопными газами. «Как быстро все пронеслось, ведь еще совсем недавно...».

..Ирина и Павел учились на одном курсе и жили в студенческом общежитии. Обойдя умело многих соперниц, не пропускающих случая бедром или бюстом прислониться к Павлу, Ирина познакомилась с его своими состоятельными московскими родственниками, работавшими во внешнеэкономической организации и уезжавшими по выходным на дачу, предоставляя возможность молодежи уединиться... После соревнований Ирина терпеливо ожидала Павла с термосом и подкармливала крымской снэдью, которую регулярно присылала с помощью ее мать.

На профилирующей кафедре руководитель Павла по диплому профессор Модин, благоволивший к способному студенту, предложил ему разработать промышленную установку для производства особо чистой соды с применением технологии «кипящего слоя»³. Спустя две недели Тулин принес соображения по теоретической части будущего проекта. Профессор полистал рукописные страницы и спросил:

— Люблю, когда материал написан рукой. Характер и перспективу писавшего чувствую. Какие у вас планы на будущее?

— В каком смысле? — Павел насторожился.

— Собираетесь на тренерскую работу? Я ведь тоже занимался спортом. Но в какой-то момент времени необходимо принимать решение... Иначе можно остаться без профессии. Тренерская деятельность требует тоже учебы и призвания. Можно остаться меж двух стульев.

— Я и сам думал об этом, — вздохнул Павел.

— Спорт многое дает для жизни, но он должен вовремя перейти в ежедневную физкультуру. Мне понравился ваш

подход. Сейчас бурно развивается теория оптимального управления... Советую проштудировать курс Михлина «Вариационные методы решения задач математической физики»⁴ и прорешать все задачи, которые там имеются. Даю вам месяц... А я напишу письмо профессору Михлину. Огромный авторитет в этой теме. Очень рекомендую! Это ваш путь!

Тулин стал пропускать тренировки и каждый день по четыре часа занимался. У дипломников было свободное посещение института.

Через месяц Модин вручил Тулину письмо мэтра, которому тоже понравилась идея студента. Мэтр дал несколько советов по обоснованию модели. Письмо заканчивалось пророческими словами: «С помощью быстро прогрессирующей скорости быстрого действия электронно-вычислительной техники многие прикладные задачи будут решаться с любой точностью. Весьма порекомендовал бы проработать учебник Понತ್ರэгина «Математические модели оптимального управления»⁵.

Воодушевленный Павел не спал уже третью ночь. «А вдруг это и есть тот путь, где он найдет свой Талант... Пора заканчивать с боксом!»

На преддипломную практику в Стерлитамак, где находился крупнейший в мире содовый комбинат, Павел решил поехать один, чтобы разобраться в отношениях с Ириной и подзаработать. По рассказам Кости, главный инженер стерлитамакского химического комбината опекал заводских спортсменов. Павел надеялся, что меценат, узнав о спортивной квалификации студента-практиканта, поможет ему определиться с темой диплома, а мастер спорта поддержит, при необходимости, честь предприятия. С Павлом увязалась пара сокурсников: Игорь и Зоя тоже хотели устроиться на временную работу... Но все сложилось неожиданным образом!

Главный инженер получил повышение и переехал в Уфу. Спортивная жизнь на предприятии без отеческой опеки захирела. К тому же на комбинате шла реконструкция, и никому не было дела до столичных студентов. Ловкий Игорь все же сумел договориться в отделе кадров комбината, чтобы практикантов хотя бы разместили в новом здании общежития. На двух верхних этажах его ожидали собственное жилье, молодые семьи и незамужние женщины, на двух нижних по четыре человека в комнате жили холостяки, среди которых было много бывших заключенных, согласившихся, в силу жизненных обстоятельств, на вредные условия труда.

Павла и Игоря поселили в разных комнатах на втором этаже, а Зою приютила молодая учительница, которая в школе рабочей молодежи при комбинате преподавала русский язык и литературу. Выпускница Ленинградского университета с царским именем Елизавета обрадовалась гостям из Москвы.

По вечерам молодежь в комнате у учительницы. Они варили пельмени на электрической плитке, которую из двух кирпичей, асбестовых прокладок и двойной спирали смастерил рукодельный Игорь, и танцевали под радиолу. В воскресные дни раскошеливались на портвейн «Три семерки» — для девочек и «Можжевельную настойку» — для мальчиков.

— На Новый год все вместе пойдём в клуб комбината... — по-командирски сказала учительница, накладывая в миску Павла дымящиеся пельмени.

— Сегодня на базаре бродячих собак отстреливали, — сообщил Игорь, разливая в граненные стаканы горячительное.

— А ты бы смог? — Зоя посмотрела на Игоря и подставила его тарелку хозяйке.

— Легко! Я с отцом несколько раз на охоту ездил и на номере стоял. Пока стоишь, общаешься с природой... Я сам волка двухлетку подстрелил.

— И оставил волчью стаю без нового молодого вожака! Это молодые редко думают о будущем семьи, а у волков все по уму, — со знанием дела сказала Зоя, посмотрев на Павла. — Мне рассказывали.

— А у нас кто вожак? — спросила, оглядев всех, учительница.

— Конечно, Игорь! Кто обеспечил общежитие, плитку избрал?! — Павел выразительно посмотрел на учительницу. — Когда в детдоме нашей кошки Машке кто-то полхвоста отхватил и она стала на постели гадить, детдомовские на сходнике постановили ее на костре живо сжечь. Чтоб не мучилась, я в полотенце завернул ее и проткнул горло... Потом долго она мне снилась. Я вообще животных никогда не стал бы убивать даже из лука. Выходи на медведя или волка с ножом. Как гладиаторы. А иначе это казнь!

— Перед тем как на охоту идти, надо Бианки⁶, а еще лучше Сетона-Томпсона почитать... К тому же бои гладиаторов не всегда смертью заканчивались... Удачливым свободу даровали, — вмешалась учительница.

— А коров и свиней на мясо забивать? На Востоке к столу баранов на глазах у гостей режут... Это ведь тоже, хоть и домашние,

но звери, — не сдавался Игорь. — Нам что, только кашу да винегрет хавать?! Мозгам мясо нужно, а то тыква звенеть от пустоты будет! А в койке придется на соседей жаловаться, что шумят и отвлекают. Среди вегетарианцев нормальных мужиков не бывает.

— Давайте лучше выпьем, — дружелюбно сказала Зоя. В Индии есть штаты, где мяса не едят, а детей у них по пятнадцать в семье.

— Они орехи жрут и пивом со сметаной из молока от диких коз запивают, — усмехнулся Игорь. — Очень способствует... Робинзон Крузо, между прочим, пристраивался сзади к диким козам.

— Дурацкий разговор, — остановила всех учительница, — Еще про порядки в тюрьме расскажите.

В коридоре раздались громкие голоса, учительница сняла передник и вышла. Через несколько минут она вернулась встревоженная:

— На первом этаже девушку зарезали... Сейчас сюда участковый придет... Я сказала, что ты боксер. — Учительница выразительно посмотрела на Павла. — Танцевать в клубе будешь только со мной или Зоей.

— А если ко мне красавица-башкирка, правнучка Салавата Юлаева, подойдет и пригласит? — Игорь посмотрел на Зою, а потом на учительницу.

— Скажешь, что уже ангажирован постоянной дамой. Здесь народ серьезный, и никому не поздоровится. Москвичи особо не жалуют.

В дверь постучали. Вошел лейтенант милиции — молодой человек славянской наружности. Он был в белом полушубке и шапке-ушанке. Милиционер огляделся и обратился к Павлу:

— Здесь такое дело, брат. Мне отбыть по службе надо... Утром прибывает следственная группа. А сейчас надо, подежурить. Она простыней накрыта. К ней не подходи! Я дверь снаружи закрою и опечатаю... Если по надобности — там ведро. До утра только! На тумбочке графин с водой... Выручай, Москва!.. Я срочную под Москвой служил...

Все встали. Женщины с ужасом смотрели на Павла.

— Я хлеба возьму, — сказал Павел, отрезав два толстых ломта и посмотрел на учительницу. — Жаль масла нет... А кто она?

— Из Уфы приехала на практику, тоже студентка... Да с местными спуталась. Не хитрое дело... Я когда служил, тоже чуть не женился!

Он сел за стол и из планшета вынул лист:

— В заводскую секцию я на бокс ходил, мне тренер даже перчатки на день рождения подарил... Жаль, развалилось дело... Твой паспорт нужен, чтоб личные данные в протокол записать. Не трухай, Москва! — лейтенант бросил взгляд на шинель, висевшую на гвозде, вбитом в дверь. — Твоя?

— Отцовская... с войны.

В комнате было прохладно. Павел дождался, когда в коридоре стихло, лег на назначенное ему место и уперся глазами в потолок, на котором замерли две большие мухи. Непреодолимая сила подняла его. Он подошел ко второй кровати и откинул простыню: молодое лицо, красивые полумесяцем брови, полуоткрытый рот, вся шея и небольшие девичьи груди с острыми коричневыми сосками в запекшейся крови. «А ведь ее отец с матерью и наверняка парень ждут! Детей каких красивых могла бы народить!»

Глядя на потолок, он заставлял себя думать об Ирине и ринге, институте и Отце, «который, конечно, проверил бы все до конца, а уж потом на харчи поехал». Мухи не шевелились. Он осторожно стянул со спинки кровати полотенце, свернул его и кинул в муч. Бросок был точный. Павел выбросил их в ведро и снова подошел ко второй кровати: «Какая чушь в таком возрасте уходить!»

Следственная группа появилась только через сутки. Вечером, когда они вчетвером пили чай, учительница сказала, что родственники увезли труп, а дело замнут.

Перед Домом культуры стояла огромная елка, расцвеченная фонариками. Когда торжественная часть закончилась, заиграла музыка. Павел на танго пригласил Лизу. Она всем телом прильнула к Павлу и коснулась губами его уха:

— У тебя много было женщин?

— Нет.

— Ты смотрел на нее? Красивая?

— Шея и грудь в крови, а все равно красивая!

— Скажи честно, я тебе нравлюсь? Может, тебе просто женщина нужна?!

— Ты нужна, а не вообще! — его плоть взбунтовалась.

— Будешь вспоминать обо мне? — шепчут ее губы, целующие тугую мужскую шею. — Вот не отпущу! Мой будешь, только мой!

— Я согласен... — Павел с силой прижал к себе желавшее его женское тело.

Продолжение на стр. 9

ПРОЗА

АЛЕКСАНДР ФАЙН

ОДИНОЧЕСТВО, ОБМАНУТОЕ СЧАСТЬЕМ

(РОМАН)

Продолжение. Начало на стр. 7

— Возьми меня так, чтобы я услышала твое сердце!

Павел двумя руками обхватил женщину за талию, ее ноги оторвались от пола. Ей было трудно дышать, но губы продолжали шептать:

— Не бросай меня!.. Я умру без тебя...

Неожиданно Павел почувствовал на плече чужую руку и обернулся. Коренастый, среднего роста парень в рубашке с расстегнутым воротом, из-под которого виднелась тельняшка, стоял перед ним. Парень был изрядно пьян, во рту папироса в виде козье ножки. Пошатываясь, он медленно поднял указательный палец в сторону учительницы:

— За что, сука, ты из класса меня выгнала?

Парень, опершись на плечо Павла, качнулся, громко икнул и выплюнул недокуренную папиросу.

— Дружище, сейчас Новый год... Отдыхаем... — дружелюбно сказал Павел, мягко снимая чужую ладонь с плеча.

— А ты кто, падла московская, хахаль сучий? — парень ощерился, выхватил из кармана складной нож и быстрым движением развернул лезвие.

Реакция боксера сработала. Пьяный ударился затылком о колонну, выронил нож и, судорожно открыв рот, стал сползать. Из-за колонны вышли двое, оба азиатского типа. Один из них плотно телосложения, переводя взгляд с Игоря на Павла, с вызовом спросил:

— Это ты дохлую рыбку ментам в атаке караулил? — Он поднял нож, провел демонстративно лезвием по своей шее. — Рыбку шпокнули и окунька пристроим.

Вразвалку медленно подошел еще один, славянской наружности, в вельветовой курточке и хромовых сапогах с завернутыми голенищами. Видимо, это был Старшой. Он неспеша поправил белое шелковое кашне, сплюнул, обнажив фиксы, потом нагнулся и потеревил за подбородок лежащего:

— Разберемся... Дыши глубже, братан... Всяко бывает. Умоем... Не ссы!

— Базар побереги, — с деланным спокойствием сказал Павел. — В ответку за джагу⁷ встать придется. — Шестерки твои пусть остынут и ноты к музыке⁸ поучат.

— При делах? — Старшой с прищуром посмотрел на чужака. — Можно и по музыке покалякать... Здесь моя хата! За корешей моих и печаль моя.

— Ну и ладушки! — Павел демонстративно вздохнул и отвернулся.

Танцующие пары, находящиеся поблизости, с любопытством остановились. Парень, державший нож, быстро сунул его с раскрытым лезвием в рукав. Подхватив под руки поверженного, мотавшего головой, компания ретировалась. Из-за колонны выглянул Старшой:

— Ну гляди-гляди, деловой! Дорожки-то узкие в городе у нас. В беду угодить недолго... Народ тут разноплеменный и ноты плохо понимают. — Не по делу базарим, — Павел, прищурившись, покачал головой. — Я чужой порядок уважаю. У меня своя корысть!

Учительница взяла его за руку:

— Надо быстро уходить. Здесь есть выход через библиотеку. Они тебя будут ждать на лестнице... Пока поживешь в моей комнате. Я с комендантшей попробую договориться. А мы с Зоей посним на одной кровати... Ты откуда все это знаешь?

— Учителя лихие были, — Павел, криво цыкнув, положил руку на плечо женщины.

Зоя незаметно подмигнула Павлу и обняла Игоря за талию... Видно было, что он напуган и пытается скрыть свою растерянность:

— Во повезло... Я тоже хочу сразу с двумя!

Учительница сжала ладонь Павла:

— Пашенька, дорогой, ты не хорохорься! Здесь твои кулаки и знание блатного языка против финки недорого стоят. Стерлитамак не Москва! На комбинате тридцать процентов бывших эзков.

— Не гони, паролог, — жестко сказал Павел, потом улыбнулся и пропел: «Ты ждешь, Лизавета, от друга привета... Ты не спишь до рассвета... Добудем Победу, к тебе я приеду на горячем боевом коне...»⁹

Появились два дружинника с красными повязками.

— Что тут произошло? — высокий обратился к Игорю.

— Да тут друг выпил лишнего и поскользнулся... Все по делу, мужики, — вмешался Павел, — Новый год! Праздник!.. Отдыхаем!..

Зоя с нескрываемым восхищением смотрела на Тулина.

Три дня Павел выходил из комнаты только по нужде. Когда учительница или Зоя вставали с кровати, он отворачивался и закрывал голову одеялом. В один из таких дней, когда Елизавета ушла в школу и Павел остался наедине с Зоей, она

встала, сняла ночную рубашку и, подняв обе руки, красиво прогнулась, оттопырив упругие ягодичные половинки.

— А ты не отворачивайся! Смотри, какая у меня попка... Потрогай!.. Вся в пупырышках. Замерзла я... Между прочим, я в школе на гимнастику ходила. Не хочешь согреть девушку?.. Для меня в постели запрета нет. Можешь проверить! Я не болтливая!

Играя бедрами и поддерживая ладонями маленькие груди с пунцовыми сосками, она юркнула к Павлу под одеяло.

— Я Игоря не люблю. Просто он очень умный и хорошо ко мне относится... А училка здесь останется... С тобой не страшно нигде... У вас уже все было? — она рукой провела ниже живота Павла. — Я никому не скажу... Не думай, у меня немного было мужчин, просто я очень страстная! Ты мне с первого курса нравишься... Ты такой сильный! — она шумно стала втягивать губами грудной сосок Павла. — Знаешь, какая я гибкая, как лоза... Можешь меня в узел завязать и не развязывать!

Тело девушки трепетало, от него лился поток гормонов, перемешанный с запахом пота.

— У меня сейчас безопасные дни... Не бойся, я Ирку ничего не скажу... И училке тоже!.. Хочешь с нами по очереди?! Она и знать не будет! Ты молчишь, я молчу.

Девушка взяла Павла за руку, поднесла ее ко рту и схватила пальцы зубами... Она дрожала, извивалась и шептала: «Крепче меня держи... крепче... только не отпускай!..». Вдруг она закричала: «Ой, мамочка!» и стала громко рыдать. А когда успокоилась, спокойно сказала:

— Поцелуй меня всю!.. Я еще хочу... Если хочешь, в Москве мы сможем встретиться... Но мне за Игоря надо замуж... Мне жить негде... У него отец шишка, но разрешит нам пожениться, если сами на свадьбу заработаем. Квартира у них знаешь, какая большая... Отец его за границу пошлет, если он с красным дипломом закончит... А ты думаешь, Ирка к тебе просто так прислонишься? Все на курсе считают, что ты далеко пойдешь.

— Если не остановят.

— Таких, как ты, никто не остановит... А Игорю надо, чтоб его хвалили... А мужчина в койке так себе... А ты настоящий жоак и не выпендриваешься! Но мне ждать времени нету... Не думай, я не со всеми такая смелая. Просто я тебе хочу как мужчине понравиться. Ты меня так чувствуешь, у меня аж сердце останавливается... Улетаю я с тобой...

Учительница вернулась из школы с коробкой конфет. Павел сидел на ее кровати и листал журнал «Русский вестник».

— Зоя где? — встревоженно спросила Елизавета, оглядев комнату. — Проветрить надо.

— Ушла с Игорем в кино... Может, и нам сходить?

— Мой ученик, что дебош в клубе устроил, конфеты принес и просил передать, что с тобой хотят по делу встретиться.

— Еще кого к колонне прислонить? — Павел насторожился.

— Завтра в восемь в кафе будут ждать. Зарплату получила. Вместе пойдем... На этаже комната освободилась. Зоя туда переедет. А ты ко мне. Я договорилась. — Учительница села рядом с Павлом и, прижавшись к нему, осторожно потянула из его рук журнал:

— Здесь «Три товарища» Ремарка. Его читаешь?

— Сильная вещь! Вроде ничего не происходит, а живешь с ними. — Павел свободной рукой обнял женщину.

— До войны был переведен другой его роман «На западном фронте без перемен», а потом отдельным изданием вышло продолжение «Трех товарищей». — Елизавета внимательно посмотрела на Павла и тихо добавила: — «Возвращение»... С предисловием Карла Радека¹⁰. Его расстреляли в тридцать девятом.

— А кто такой этот Карл Радек?

— Сложная личность. Кроме политики, занимался литературой и журналистикой. Папа считал, что он помогает руку держать на пульсе жизни, потому и привел его в дом. Мама Радека не любила, она боялась, что с ним к нам придет беда. Так и случилось...

— Тогда особо причина не была нужна!

— В западной литературе есть два формата, не считая эссе: новелла и роман, у нас три: рассказ, повесть, роман... В основном формат определяется объемом и в какой-то степени содержанием. Хотя это весьма условно: достаточно взять Пушкина или Тургенева.

— Я сначала прочел «Время жить и время умирать» в «Иностранной литературе»¹¹.

— Есть и другие серьезные журналы... «Новый мир», например... Много читаешь?

— Мало, но стараюсь думать. Мне хочется понимать писателя. Если не понимаю или чувствую, что не для меня писал, — дальше не читаю... И не люблю читать без перерыва подряд разных авторов.

— Мужчине не только читать и думать, надо физически уметь за себя постоять, а иногда и кого-нибудь защитить... — Учительница

положила голову на плечо Павла. — Что бы я без тебя тут делала? С тобой я женщина, а не училка!.. Кто твои родители?

— Я о них ничего не знаю. Меня в детдом милиция определила, а директор усыновил. Он инвалид был... Когда его не стало, в ремеслуху поступил, а в институт как спортсмена взяли... А ты как сюда попала?

— Папа в Ленинградском университете зарубежную литературу преподавал. Он на основных европейских языках свободно говорил и писал. На его лекции не только студенты ходили... А мама была его аспиранткой, они в гражданском браке жили, у них разница в двадцать лет была... Когда его арестовали, мы с мамой к ее сестре в Подмоскovie переехали. Она одинокая была. Ее поклонник из органов узнал, что папа в лагере на Воркуте. Мама по контракту директором школы туда поехала...

— А как же ее туда пустили?

— Поклонник с контрактом и подсказал... Длинная история... Я у тетки жила. Мама очень красивая женщина была. Из Воркуты одна пара приехала и мне письмо от мамы привезла. За ней там стал ухаживать какой-то местный начальник. От него она узнала, что папа что-то про угольный пласт придумал и его из забоя наверх перевели. Так жив остался и авторитет у начальства заработал. Из лагеря вышел — он сорок килограммов весил. Мама его год выхаживала. Ему литературную деятельность, хоть и выпустили, все равно запретили... Они деньги копили, чтоб потом кооперативную квартиру купить, когда вернутся. Папа в управлении работал и даже диссертацию по углю защитил. А когда времена другие пришли и они собрались возвращаться, поздно было — у обоих открытая форма туберкулеза. Папа успел даже докторскую по углю защитить... Этот начальник исчез, когда папу выпустили... Мама ради папы хоть на эшафот, хоть в публичный дом не задумываясь пошла бы...

— Ты замужем была?

— Собиралась за летчика военного. Он мне даже платье свадебное купил. Когда он узнал про папу, честно сказал, что его в ракетную авиацию с такой женой не возьмут... Я только, в двадцать шесть поступила на филологический... Целуй меня!.. Только долго-долго! Чтоб я навсегда запомнила.

Они долго пили чай. Учительница положила в блюдце варенье и протянула Павлу:

— Одно плохо, Пашенька дорогой, уж больно сладко мне с тобой... Как потом жить?.. Обними меня!..

Павел встал, обошел вокруг стола и поднял стул вместе с женщиной. Она, не оборачиваясь, обхватила обеими руками его за шею:

— Вот так вместе со стулом и в кровать опять понесешь? Потом они сидели на кровати обнявшись.

— Чай остыл, а я, наверное, никогда бы к тебе не остыла... Но это пустые слова... Уж больно я стара для тебя... Какое твое любимое стихотворение?

— Белеет парус одинокий!

— Ты Одиночка и Победитель... — Учительница вздохнула. — А что Лермонтов твой кумир, я сразу поняла. Он кроме русского владел французским, немецким, английским и латынью... Я сюда и попросилась. Думала начну переводами заниматься, чтоб профессионально это дело освоить... И не отвлекаться на ерунду...

— А тут, оказывается, не до переводов! Блатные пристают... Ты сама сколько языков знаешь?

— Английский и немецкий прилично, особенно тексты. Испанский и итальянский похуже, но объясняться могу. Читать мне легче.

— Феню блатную и башкирский учи! Будешь для потомков Салавата Юлаева немца Ремарка переводить. Власть на гононар не покусается... Декабристка ты! — Павел встал на колени и прижался к груди женщины. — И ученики уважать станут, когда ты особо борзому в классе по фене на место укажешь!

— Своей я все равно тут не стану. А декабристка, не декабристка, как ни крути, баба она и есть баба... Амазонка, — прошептала ее губы, — это не мое... А что Зоя на тебя так смотрит?.. Уложит она тебя!

— Не уложит! Хочет просто, чтобы Игорь ее ревновал. Учительница обхватила Павла за шею, закрыла глаза и прошептала:

— Обнимаю скорее, чтоб не ревновала! Тебя женщины всегда любить будут. Женщину в постели и по жизни уважаешь.

— Отец говорил, что в любом деле всегда себя надо на место другого поставить.

— Эх, Пашенька, годков мне бы поубавить. Какой бы я тебе женой была! Считается, что женщина к сорока годам в силу входит, а ты меня уже подогнал... Как теперь мне быть?.. Целуй, целуй!..

Продолжение на стр. 10

ПРОЗА

АЛЕКСАНДР ФАЙН

ОДИНОЧЕСТВО, ОБМАНУТОЕ СЧАСТЬЕМ

(РОМАН)

Продолжение. Начало на стр. 7

На следующий день учительница раньше обычного пришла из школы. Принарядилась, накрашила губы:

— Идем, мой защитник, нас ждут. В кафе поужинаем под рюмку.

Когда они вошли в зал, Тулин почувствовал, как дрожит ее рука, опирающаяся на его предплечье. Они сели у входа.

— Давай водки возьмем под селедочку с картошечкой! Лучше бы, конечно, кальвадоса, как у Ремарка... Но тут и слова-то такого никто не знает. — Лиза оглядела зал. — Сидит твой знакомый...

Подошла официантка и наклонилась к Павлу:

— У окна слева!.. Простят подойти.

Лиза напряглась и, путаясь, стала делать заказ. Павел взял ее за руку:

— Не суетись!.. Дела подождут... — Павел говорил тихо, одними губами, — Никого не бойся — уважать будут. И улыбайся!.. Я ведь с тобой!

В блатной вальяжной манере он повернулся к официантке: — И беляшей, уважаемая, румяных, не по-бедному... А родненькую в графинчике со слезой, чтоб по душе... Праздник с подружкой у нас нынче!

Официантка принесла графин с водкой, рюмки, селедку с кружками лука и тарелку румяных беляшей. Они чокнулись. Павел вилкой ухватил несколько кусочков селедки и, протянув их ко рту подружки, громко сказал:

— Знатная закуска! — и тихо добавил, — Не оборачивайся! На меня смотри!

Они еще раз выпили. Павел громко цыкнул, встал и не спеша вразвалку направился к ожидавшему. Тот, сопровождая прищуренным взглядом Павла, рукой показал на стул:

— Швартуйся! Побазарим!.. Я Евгений, а ты, стало быть, студент из Москвы, мастер спорта по боксу... Серьезно!.. Со мной примешь?

— Не откажусь. — Павел медленно отодвинул ногой стул и вальяжно сел, свесив руки, всем своим видом показывая, что открыт к разговору:

— У нас обиды нет, а у тебя? — Евгений покачал головой.

— Джугу не ты вынимал, не ты и ховал. А шестерки, видать, в школу не ходили и азбуку не учили.

— Лады! Как сюда приплыл?

— Посоветовал друган, он ваш, местный. Тренировались вместе. Подзаработать хотел, а на комбинате реконструкция. Осечку, видать, словил... Надо было проверить, а друг слинял в темную.

— Кто такой?

— Еремеев Костя.

— Ерёма... Был такой!.. — Евгений прищурился. — В корешах у меня не замечал!.. Мне удар поставить сможешь? Купюрами не обижу.

— Не откажусь. Инвентарь нужен. Территория хоть какая?

— Моя забота... Организую... Музыку откуда знаешь?

— Детство веселое, учителя достойные, еды мало, — Павел усмехнулся.

— А сейчас?.. Может, моим по азбуке уроки дашь?

— У каждого свой путь. Я никому не должен... Азбуку жизнь учит, если слух есть!

— И то верно!

Евгений налил два полных стакана водки и пододвинул закуску на середину стола: — При базаре в клубе у тебя очко сухое было... Уважаю!

— Мой отец говорил: «Коли нет выхода, оставайся до конца мужчиной».

— Авторитетный человек, видать, твой отец.

— В войну служил в разведке. Рано ушел.

— Помянем!

Они допили бутылку. Павел встал, в упор посмотрел на Евгения и протянул ему руку:

— Забили! Потеть придется. Акцент при куреве слабый. Удар значит.

— Без курева обойдусь ради дела. Лучше найти, чем потерять!

Евгений оказался упорным и выносливым учеником. После каждой тренировки он щедро расплачивался. Когда Павел сообщил, что ему скоро возвращаться в Москву, Евгений достал стопку денег:

— Премияльные... Заниматься будем до упора, то бишь, вокзала твоего. Не обидел? Дороги люди сами выбирают — это ты верно излагаешь! За учительницу не тужи! Я тоже студентом два курса... тянул, — Евгений цокнул языком и усмехнулся. — Чоб потом с большевиками на демонстрации «Утро красит нежным светом... Кипучая, могучая...» У меня своя песня! Мотивчик не попутаяю. Слова из души должны идти.

— Хороша песня! Трое с джагой на одного... Надо в ровную!

— Интересный ты экземпляр. Но на слезу не дави! Бог даст, еще в глаза друг другу глянем. Земля-то круглая! А про дорожку мою Боженька намекнет. «И кто его знает, на что намекает». — Евгений пропел строчку из знаменитой песни Лидии Руслановой¹², потом не мигая посмотрел в глаза Павла. — Ты ведь не веруешь! А я вот сомневаюсь...

— По-другому мысля: совершил — на ответку становись!

— Гордыня в тебе. Ладно, бывай. Человек — он или есть, или так себе! Почему у большевиков Слова верные, Земля большая, а Хлеба мало?

— Работать по чести надо!

— А где ж столько их, честных, взять? — Евгений усмехнулся. Большевики в честность зовут, но что-то там честных в микроскоп искать надо. Хавать не по конверту надо...

— Мне незаработанного и чужого не надо.

— Ну давай, живи по-честному! Встретимся, коли жив буду, расскажешь!

Они обнялись.

До отъезда Павла оставалось две недели. Лиза изощрялась на кухне. Когда Павел предупредил, что половину заработанного возьмет в Москву, Лиза вздохнула и негромко сказала:

— Конечно, Пашенька! Не восемнадцать же лет мне... Я не в обиде. Свое получила и на том спасибо...

— Нет у меня никого!

— А я не спрашиваю. Коли помоложе была, у любой отбила бы...

Как-то после сытного воскресного ужина она достала бутылку шампанского:

— Мужчина может быть старше и даже намного. Наоборот — ничего хорошего не получится. Это против природы... Хотя в литературе примеры были...

— Вот встречаются двое. Между ними сокровенное... только их. А потом расстанутся: обстоятельства, ссора... мало ли что. Куда сокровенное девается? — задумчиво спросил Павел.

— Наверное, туда, — учительница показала глазами вверх. — Ты в старости философом будешь!

— Если доживу, — усмехнулся Павел. — А вдруг ... писателем. Учуться надо, наверное. Помнишь, ты сказала, что Лермонтов мой кумир. Я, вообще, считаю, что настоящая русская проза с него и началась. Пушкин наметил дорогу в «Маленьких повестях», но там все герои одномерные: даже Онегин ясный, а Печорин объемный, весь в противоречиях с самим собой и окружающими.

— Смотреть могут все, а вот увидеть и на бумаге изобразить — талант нужен! Писателю даже не все понимать нужно, а изобразить правильно. — А твои какие любимые писатели?

— По настроению... Я суп фасольный с консервами и луком на завтра сварил. Хочешь, баранью ногу запеку? В Москве такого не будет... Писатель честным должен быть в подушку, как папа говорил. Но это мало кому дано! И жениться должен на каждом произведении. А по жизни все врут...

— А как же творческая фантазия?

— Сердцем слушай!.. Кончается мой бабий праздник... От отца осталась неоконченная рукопись «Размышления о поэзии Осипа Мандельштама и Николая Заболоцкого»¹³ ... При обыске не нашли... Ты такие имена слышал? Ее надо лично в руки Твардовскому¹⁴ отдать.

— Я с поэзией не очень в ладах... Передам, не волнуйся!

— Папа считал, что Мандельштам и Заболоцкий — продолжение Блока.

— Я «Двенадцать» читал. Но не все понял!

— Твардовский в одном ряду с великими. Прочти его поэму «За далью даль»! Недавно она была полностью опубликована. Много в жизни пересмотришь...

Учительница вздохнула, закрыла глаза и прошептала:

— Настоящие поэты на облаках живут. Они поэтическим зрением то видят, что обычным людям недоступно... Великие еще выше... на других планетах, наверное! А рифмоплеты, папа говорил, в магазине за водкой бегают и рассказывают, что они продолжение Лермонтова и Блока.

Периодически на Лизу накатывало. «Скоро все закончится, незачем будет класть салфетки на стол, а главное — постель станет холодной, без запаха мужского тела». Она гнала прочь эти грустные мысли и с жадностью каждую ночь дарила себя Павлу. «Может, ребенка от него зачать, он и знать не будет. А вдруг кто появится — кому чужой ребенок нужен...» — оставивала себя учительница.

На вокзале она уткнулась лицом в ставшее родным плечо. Почувствовав, что плечо становится мокрым, Павел повернул лицо женщины к себе:

— Дороги не всегда люди сами выбирают. Мне подумать нужно... У меня к тебе тоже просьба... Все не знал, как просить. А тут ты сама подтолкнула...

Лиза отпрянула от Павла и насторожилась:

— Какая?

— Не страшная, совсем не страшная! — Павел притянул Лизу к себе. — Под твоим матрацем в полотенце кинжал трофейный. Отец с фронта привез. Евгению сама в руки отдай!.. От меня, мол, на память. И скажи слово в слово: «Мессер, как с войны пришел, в чистоте спал. Только один раз проснулся». Евгений поймет. Он тебе денег даст, возьми и не благодари!

— Почему? «Мессер» — это по-немецки «нож». А что с деньгами делать?

— Что хочешь. Вина купи, — Павел рассмеялся, — и выпей, только одна не пей! Так положено... Женя по закону блатному живет: берешь нож из других рук — плати, сколько хочешь, вынул нож по делу, с угрозой — значит, бей!.. Кровью омыть угрозу надо!

— А с кем пить?

— Вот с Женей и выпей!

— Когда хоронить маму с папой ездила, поняла: временные мы тут. Они такое прошли и любовь сберегли... Приятелю твою посылочку передам... Не пиши мне... Поцелуй меня! Нет, не надо! Так легче будет. Кому ты достанешься — не хочу знать! Ревнивая я, а на ревность права нет! Спасибо тебе... Когда драка в Доме культуры была, ты зачем спел, что приедешь?.. Ведь это ты мне пел!

— А вот приеду! «Расставание — это временная смерть!» — кто сказал?

— Не приедешь, Пашенька... У тебя другая дорога, и я не для тебя... Но старость без женщины встретишь. Мне все легче будет, что под конец никому не достанешься... Я сердцем чувствую — у тебя большая дорога. Все пройдешь и писателем станешь... А я простая училка... Дай бог, переводчицей стану, но здесь это нереально... Вот пошлет мне судьба удалыца-молодца, который посадит на коня и увезет в столицу... Прости меня, mein lieber Schriftsteller¹⁵, все бабы мечтательницы и дуры... и учительницы тоже. Когда-нибудь твой роман переведут на немецкий. Я даже название придумала: «Одиночество, обманутое счастьем». На немецком тоже красиво и загадочно: «Einsamkeit vom Glück betrogen». Вперед всегда иди!.. А я смотреть, пока жива, тебе вслед буду.

Прощай, солнце мое! — женщина внимательно посмотрела в глаза Павла и, резко повернувшись, пошла, вскинув голову.

Павел услышал, как она громко запела: «Во поле береза стояла. Во поле кудрявая стояла. Люли, люли, стояла. Некому березу заломати. Некому кудряву заломати. Люли, люли, заломати...»

— Все сделаю, — крикнул Павел вслед учительнице.

Павел лежал на верхней полке плацкартного вагона. «У каждого своя правда, и пройти надо свой путь. И какая разница, в какую сторону разница в возрасте?! И почему Лиза не спросила, что означает "Мессер только раз проснулся"? Ей не до того было».

Он хорошо помнил, как решил в вопрос с кошкой Машкой. Когда в очередной раз она испачкала кому-то одеяло, а пострадавший предложил виновницу жечь, подвесив ее над костром, Пашка подошел к страдальцу, молча двумя согнутыми пальцами ухватил его изнутри за ноздри и тихо сказал: «Машку тронешь — глаз выну!» На сходе было решено устроить показательную казнь. Пашка оглядел собрание и тихо сказал: «Я сам...». Авторитету не стали перечить. После ужина он отыскал Машку, отдал ей свою котлету, которую вынес из столовой. Та заглотила, лизнула руку Пашки и прижалась по обыкновению к его ногам. Пашка взял ее на руки, завернул в полотенце, оставив открытой ее голову, чтоб не волновалась. Кошка прижалась к Пашке и урчала. Он пошел за сарай, где хранился дворовый инвентарь. Опустил Машку на землю, накрыл свободной частью полотенца ее голову и ударил кинжалом в шею. Пашка крепко держал ее тело, содрогающееся от конвульсий. Он не боялся крови. До детства жизнь познакомила его с кровью. Полотенце быстро набухло. Когда конвульсии прекратились, он положил Машку на землю, накрыл ее старым ржавым тазом и сел на него. Потом кинжалом и руками вырыл яму.

В Москву Павел вернулся с твердым намерением объявить Ирине, что дороги у них разные. Но она опередила его, сообщив, что на четвертом месяце носит его кровинку. В ЗАГС Павел явился в костюме, купленном на заработанные тренерским трудом деньги, и с букетом белых гвоздик.

¹ П. А. Столыпин (1862–1911) — выдающийся государственный деятель царской России начала XX в. Губернатор, министр внутренних дел, председатель Совета министров (1906–1911). В 1906 г. убедил Николая II и провозгласил курс социально-политических реформ. Под его руководством были

Продолжение на стр. 11

ПРОЗА

АЛЕКСАНДР ФАЙН

ОДИНОЧЕСТВО, ОБМАНУТОЕ СЧАСТЬЕМ

(РОМАН)

Продолжение. Начало на стр. 7

разработаны реформы местного самоуправления, аграрная, народного образования. Инициатор создания военно-полевых судов для борьбы с революционным движением. Добился роспуска 2-й Госдумы. Провел новый избирательный закон. Столыпинская аграрная реформа была направлена на демократизацию прав крестьянской общины, усиление переселенческой политики, интенсификацию хозяйственности на основе частной собственности, повышение товарности. Столыпинская реформа не нашла поддержки у российской элиты и народников. В 1911 г. Столыпин был убит террористом Багровым.

² «Далев словарь» (Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля) — всемирно известное собрание русской словесности, по глубине и охвату не имеющее аналогов в мире. В. И. Даль (1801–1872) — писатель, этнограф, лексикограф. На создание «Словаря» ушло 53 года.

³ Состояние слоя зернистого сыпучего материала, напоминающее под воздействием внешних факторов (потока воздуха) кипящую жидкость.

⁴ Реальные процессы (системы, объекты) имеют физическую природу, научное истолкование ее и есть физическая модель. Чтобы перевести физическую модель в математическую и количественно оценивать процессы, необходимо выбрать существенные факторы, которые описываются уравнениями математической физики.

Математическая физика (раздел прикладной математики) занимается решением и исследованием уравнений, описывающие известные физические процессы: передачи тепла (уравнение теплопроводности), колебаний (волновое уравнение) и т. д.

Вариационное исчисление (раздел математики) изучает методы нахождения минимума или максимума функционала (функции, зависящей от других функций) при наличии ограничений. Методы вариационного исчисления используются при решении задач математической физики.

С. Г. Михлин (1908–1990) — известный советский математик и популяризатор методов матем. физики для инженеров. Теория упругости, вычислительные методы.

⁵ Л. С. Понтрягин (1908–1988) — один из крупнейших математиков XX в., создатель теории оптимального управления важнейшего раздела современной математической науки. «Принципы максимума Понтрягина» — основа дифференциальных игр.

⁶ В. В. Бианки (1894–1959) — известный советский писатель, натуралист. Писал для детей.

Э. Сетон-Томпсон (1860–1946) — популярный в мире канадский писатель-натуралист, художник-анималист. Переведен на многие европейские языки, в т. ч. на русский.

⁷ Джага — нож, финка (нечасто употр. блатной жаргонизм); в тексте — намек на владение феней.

⁸ Музыка — блатной жаргон в целом (феня); в тексте намек на то, что подручные «Старшого» не владеют в дост. мере феней.

⁹ Строки из популярной военной песни (к/ф «Александр Пархоменко», муз. Богословского, сл. Долматовского).

¹⁰ Радек (К. Б. Собельсон) — деятель международного соц.-дем. движения, член ЦК РКП (б), секретарь исполкома Коминтерна, репрессирован (1939).

¹¹ Популярный художественно-литературный журнал в СССР, где печатались переводные произведения западных авторов.

¹² Л. А. Русланова (1900–73) — исполнительница народных песен, за исключительный природный художественный вкус и понимание русской песни, редкий по тембру голос народ называл ее «царицей русской песни»; засл. арт. РСФСР. Дала знаменитый концерт у стен поверженного Рейхстага. Подвергалась репрессиям (1948–53) вместе с мужем (ген. Крюковым) «по делу» маршала Жукова. В лагере пользовалась уважением заключенных и начальства, устраивавшего концерты великой певицы.

¹³ Н. А. Заболоцкий (1903–1958) — русский поэт Стихи философского направления. Репрессирован (1938–1944). Воспоминания опубликованы за рубежом и позже в СССР.

О. Э. Мандельштам (1891–1938) — русский поэт. Стихи философского и политического направления. Дважды подвергался репрессиям (1934, 1938). Погиб в пересыльной тюрьме.

¹⁴ А. Т. Твардовский (1910–1971) — великий русский поэт, прозаик, журналист, главный редактор знаменитого литературного журнала «Новый мир» (1950–1954, 1958–1970, дважды решением ЦК КПСС освобожден от должности гл. редактора). Поэмы «Страна Муравия», «Василий Теркин», «Дом у дороги», «По праву памяти», «За далью даль», «Теркин на том свете» — выдающиеся образцы поэзии, отразившие разные периоды советского уклада. Поздняя лирика Твардовского — вершинное достижение поэзии. Твардовского по праву можно считать знаменем интеллектуальной демократизации периода «Оттепели». Будучи одним из наиболее влиятельных деятелей советской культуры периода «Оттепели» (канд. в чл. ЦК КПСС, член Ревизионной комиссии, Ленинская, Сталинская, Госуд. премии), сыграл определяющую роль в приходе в советскую литературу новой плеяды прозаиков и поэтов: Овечкина, Абрамова, Тендрякова, Быкова, Трифонова, Можая, Евтушенко, Вознесенского, Рождественского, Ахмадуллиной. Важным событием для культурной жизни страны явилась публикация повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича» о ГУЛАГе, разрешение на которую Твардовский получил лично у Хрущёва. Твардовский — знаковая личность советской культуры в одном ряду с такими авторитетами, как Сахаров и Лихачёв. Смертельно больной Твардовский поселился на даче рядом со своим политическим оппонентом, известным писателем и поэтом Симоновым, которого Твардовский сменил на посту гл. редактора «Нового мира» в 1950 и 1958 гг. Два столпа советской литературы, занимавшие «непоследние» ступеньки в партийной иерархии, восстановили личные отношения.

¹⁵ Мой дорогой писатель (нем.).

Продолжение следует.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Если бы существовала литературная премия «За верность себе», я бы присудила ее Екатерине Яковлевой. Новая книга стихов известной поэтессы красноречиво называется «Кровь». Испугались? И правильно сделали. Это непростое существование. Особое отношение к данному слову мы можем наблюдать повсеместно: от поэзии до религии. Поскольку понятие «кровь» имеет богатую и разнородную систему значений, каждому из которых автор уделяет внимание, вчитаясь в данную книгу внимательнее.

Кровь — символ человеческой жизни, ее основа. Не каждый поэт это осознает. Екатерина Яковлева продирается сквозь тернии к звездам, и путь этот долг. Устойчивое выражение «потом и кровью» — то, что дается тяжелым трудом — вполне относится к поэтическому труду. Отношение к творчеству как сверхъестественному процессу, забирающему творца целиком, характерно для автора. При этом нет гарантии, что рожденное в муках понравится читателю. Поэзия — дело рискованное:

Отважится ли кто-нибудь прочесть?
Взять в руки пожелтевшие страницы?
Чернила алые, что обратились в персть,
Вдохнуть поглубже и со мною слиться.

В данном контексте предназначение крови — одухотворить произведение искусства, сделать его живым и близким читателю. Ощущение жертвенности, мучительности избранного автором пути не покидает читателя до последней страницы. Жизнь — боль. Любовь — страдание. Смерти нет, но есть вечный покой. Почему? Все просто: героиня Екатерины Яковлевой не согласна с тем, что происходит. В частности, невнимательное ставшего близким ей героя может стоить мужчине очень дорого:

Я за спиною, обернись,
И больше не стерплю прощаний,
Крепка невидимая нить
Кровавых клятв и обещаний.

Против таких безумных клятв, творимых часто по самым страстным, эгоистическим поводам, Господь и выступает:

Екатерина Яковлева

«Кровь»

М.: «Вест-Консалтинг», 2020

«Не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Матф. 5,33–37).

Человек не имеет права этого делать. А сделав, становится намертво привязан к предмету уговора. А вдруг обстоятельства изменятся? А вдруг чувства пройдут?.. Да разве все предусмотришь?.. Для чего же люди раз за разом связывают себя неразумными обетами? Не ведают, что творят...

Автор с упорством разрабатывает любимую тему. Удивительно, как можно в столь мрачном антураже — холод, боль, тьма, забвение, пугающе бестелесный потусторонний мир — чувствовать себя в своей тарелке. Но для Екатерины Яковлевой страдание — родная стихия: «Лишь боль напоминает мне, / Что я еще жива». И если предыдущие книги отли-

чала акцентуация собственной чужеродности, то в настоящем издании объемность образа крови подчеркивает хрупкость человеческой жизни и ее тяжесть. Автор говорит нам о том, что душа поэта должна быть изначально изранена, иначе она не истечет стихами:

Сочатся алым буквы на листок,
На белизну подтеками-словами,
Кровотечением горячих строк —
Я вновь перо обмакиваю в раны.

Кровь символизирует не только телесные повреждения, но и скрытые раны души. Эстетика стихотворений Екатерины Яковлевой построена на противопоставлении «я» — «другие», в котором ее героиня порой уже не в состоянии слышать немой крик внутри:

А в параллельном мире снег идет..
В закрытое окно я камень брошу,
И за снежинкой потянусь рукой,
Стекло разбитым разрезая кожу.

Понять автора можно. Наши современники утратили возможность открыто и честно выражать агрессию. Естественные эмоции получили ярлык «негативных», но не стали от этого менее сильными. Мы просто отвыкли от вида крови, поэтому она не перестает нас пугать. На этом фоне героиня Екатерины Яковлевой выглядит устрашающе честной. И с какой бы опаской мы ни читали ее стихи, наполненные душевной болью, погружение в темную сторону жизни может иметь для внимательного читателя не только специфическое удовольствие, но и пользу. Прожить, просмаковать эту боль, испытать ее до капельки... Страдания придают жизни вкус, пусть горько-соленый, но все же — вкус. Но ни на чем не стоит «зависать», всегда нужно двигаться дальше, чтобы по-настоящему жить.

Вера КИУЛИНА

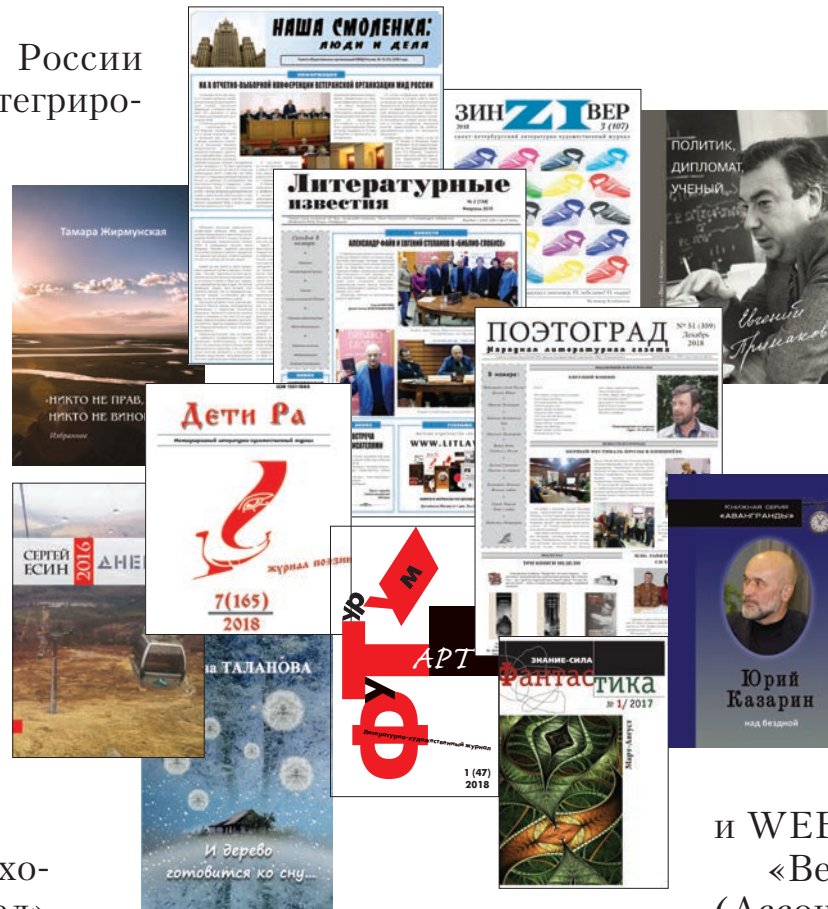
РЕКЛАМА

ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

РАБОТАЕТ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ 18 ЛЕТ.

Это широко известный в России и за рубежом вертикально интегрированный медиа-издательский холдинг. Он состоит из ООО «Вест-Консалтинг», издательского комплекса, типографии, PR и WEB-подразделений, Агентства по распространению книг, литературно-художественных журналов «Футурум АРТ» (выходит с 2000 года), «Дети Ра» (выходит с 2004 года), «Зинзивер» (выходит с 2005 года), «Другие» (выходит с 2006 года), интернет-журнала «Персона ПЛЮС» (выходит с 2008 года), газет «Литературные известия» (выходит с 2008 года), «Поэтоград» (выходит с 2010 года), «Есенинский бульвар» (на бол-

гарском языке, выходит с 2010 года), телевизионной компании и интернет-телеканала «Диалог» (работает с 2012 года).

«Вест-Консалтинг» совместно с ИД «Знание-Сила» также издает альманах «Знание-Сила. Фантастика» (с 2010 года).

Компания выпускает книги (более 300 наименований в год), делает буклеты, выполняет все виды типографских работ, предоставляет широкий спектр консалтинговых, рекламных и PR услуг, создает и обслуживает WEB-сайты (создано более 1000 сайтов и WEB-страниц).

«Вест-Консалтинг» — член АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России), дважды лауреат премии «Московский счет».

МЫ БУДЕМ РАДЫ ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ!

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanov@mail.ru

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

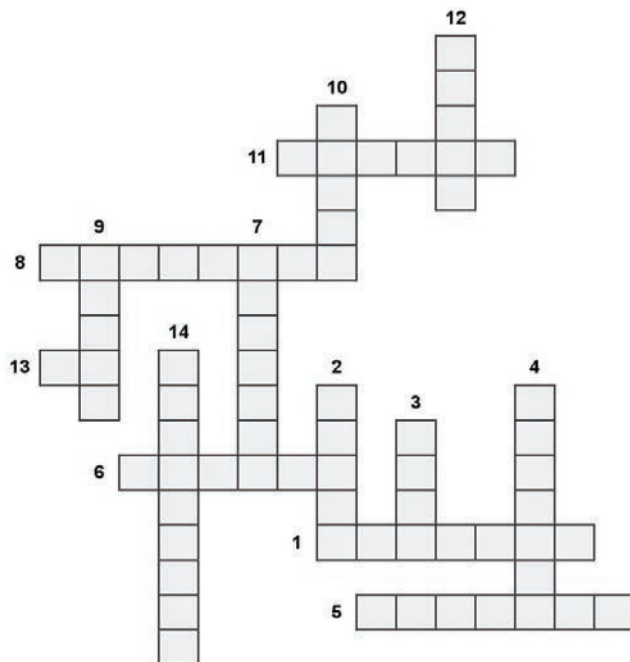
ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД ПО ТЕМЕ «АВТОРЫ-КЛАССИКИ»

По горизонтали:

1. Автор романа «Американская трагедия».
5. Автор детективного романа «Глубокий сон».
6. Автор романа «Угрюм-река».
8. Автор романа «Возлюбленная».
11. Автор романа «Скотный двор».
13. Автор романа «Убить пересмешника».

По вертикали:

2. Автор романа «Слепой убийца».
3. Автор романа «Граф Монте-Кристо».
4. Автор романа «Унесенные ветром».
7. Автор романа «Люди не ангелы».
9. Автор романа «Эмма».
10. Автор романа «Железный король».
12. Автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль».
14. Автор романа «Над пропастью во ржи».

Кроссворд составила
Ольга ЕФИМОВА.

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru), Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» (www.west-consulting.com.ru) и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»
Тел.: (495) 978-62-75

Интернет-ресурсы:

www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>,
<http://lit-iz.livejournal.com>, <http://www.facebook.com/litizvestia>

E-mail:

stepanov@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Владимир Бояринов, Константин Кедров, Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Обозреватели

Ольга Денисова (соб. кор. в Санкт-Петербурге)

Наталья Лихтенфельд (соб. кор. в Германии)

Верстка

Ирина Ракитина

Интернет-версия

Максим Жуков, Наталья Лихтенфельд

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии «Новый взгляд».

394016, г. Воронеж, ул. Славы, д.13 а. Заказ № 6502 Общий тираж 5000 экз.